

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

КОНЕЦ ПУТИ

Евгения Грановская
Антон Грановский
Конец пути
Серия «Маша Любимова и
Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы», книга 8

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5002857
Евгения и Антон Грановские. Конец пути: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63207-7

Аннотация

Все они согласились на пробное проживание в «Умном доме» – суперсовременном здании, управляемом сложной электронной системой. Странности возникли не сразу, но вскоре жильцы стали замечать изображения лабиринта – оно то проявлялось на запотевшем зеркале в ванной, то складывалось из просыпанного кофе... Что это значит, они поняли только потом, когда дом отрезало от внешнего мира, связь пропала, а жильцы начали один за другим погибать... Отправившись в «Умный дом», Маша Любимова перестала отвечать на звонки, и журналист Глеб Корсак заволновался: то, что он слышал об этом месте, ему очень не нравилось. Собрав побольше информации, Глеб

решил без промедления проникнуть в дом любой ценой: оказывается, он был построен на пустыре, где в древние времена располагалось языческое капище и совершались человеческие жертвоприношения...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	11
3	19
Глава 2	29
1	29
2	35
3	42
Глава 3	48
1	48
2	53
Глава 4	57
1	57
2	69
Глава 5	75
1	75
2	80
3	85
4	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Евгения и Антон Грановские Конец пути

*Жизнь каждого человека – это лабиринт, в
центре которого находится смерть.*

Майкл Эртон

Глава 1 Руслан

1

Машина стремительно неслась по ночному шоссе. Желтый свет фар вырывал из мрака асфальтовое полотно и белую полосу разметки. По обе стороны от автомобиля пронеслись темные стены деревьев.

Сидевшему за рулем мужчине было лет сорок с небольшим. В своем дорогом костюме он выглядел очень солидно, но ослабленный узел галстука придавал его внешности что-то романтическое, моложавое. Рядом с мужчиной сидела девушка. Она была очень молода и очень красива. Длинные

темные волосы ее слегка колыхались от ветра – окно с ее стороны было опущено. В правой руке она держала дымящуюся сигарету.

Мужчина протянул руку к радиоприемнику, но девушка положила на его предплечье тонкие пальцы:

– Не надо.

– Ты не хочешь, чтобы я включил музыку? – удивился он.

– Я... хочу с тобой поговорить.

Девушка произнесла эти слова медленно, словно ей приходилось прилагать усилия, чтобы выговорить их. По лицу мужчины пробежала тень.

– Судя по тону твоего голоса, говорить ты собираешься о неприятных вещах. Может, не стоит портить вечер?

Девушка молчала, сдвинув брови и поджав губы. Расценив это как согласие, мужчина включил радио.

И говорит «Прости-прощай.

Я покидаю этот край».

И повторяет каждый раз

Один и тот же свой рассказ,

Как улетает от меня

И покидает навсегда.

Вот так моя звезда

Меня хоронит...

Девушка выбросила окурок сигареты в окно, протянула руку и выключила радио.

– Тебе *придется* со мной поговорить, – сказала она с нажимом.

Мужчина вздохнул.

– Что ж, если это неизбежно...

– Это неизбежно, Руслан. Я знаю, как ты не любишь такие разговоры, но... Я просто хочу знать. От этого зависит мое будущее и... будущее наших отношений. Руслан, когда ты все расскажешь жене?

Он пожал плечами:

– Не знаю.

– Ты обещал.

– Милая, я помню. Но время еще не пришло.

– А когда оно придет?

Руслан помолчал, хмуря брови. Затем проговорил веско и сухо:

– Эля, ты знаешь, что моя жена сейчас очень больна. Если я скажу, что хочу уйти, это ее убьет.

– Ее это не убьет, – возразила девушка.

Она достала из сумочки платок и аккуратно промокнула глаза. Затем покосилась на Руслана и сказала, скомкав платок в нервных пальцах:

– Руслан, почему я должна думать о ней? Я тоже хочу семью. Я тоже хочу, чтобы у меня все было в порядке. Почему я должна делить тебя с ней?

– Давай дождемся, пока она выздоровеет, а потом продолжим этот разговор.

Эля посмотрела на его строгий профиль, облизнула губы кончиком языка и сказала:

– Если ты не можешь на мне жениться, позволь мне хотя бы забеременеть и родить ребенка.

Лицо Руслана похолодело. Уголки его губ иронично дернулись.

– «Хотя бы»? Ты к этому так легко относишься?

– Не придирайся к словам. Если кто-то из нас двоих и переживает нашу ситуацию тяжело, так это я, а не ты.

Руслан вздохнул и повернулся к Эле.

– Послушай, милая...

– Руслан! – крикнула вдруг она.

Он быстро перевел взгляд на дорогу, увидел неясную тень, мелькнувшую перед машиной, резко и сильно крутанул руль вправо и вдавил педаль тормоза. «Мерседес» на полной скорости слетел с дороги, с треском пронесся через кусты и с оглушительным грохотом врезался в старую сосну.

Когда Руслан пришел в себя, он понял, что лежит на земле. В голове у него шумело, но сквозь этот шум он слышал звуки песни... или это ему только мерещилось?

Он повернул голову на звук и увидел свою машину. Мотор «Мерседеса» молчал, но из освещенного салона доносилась тихая музыка.

И покидает навсегда...

Вот так моя звезда
Меня хоронит...

Руслан, крихтя и постанывая, поднялся с земли. В голове ухал колокол, перед глазами все прыгало, во рту стоял привкус крови. Он постоял немного, борясь с головокружением и слабостью, затем потрогал пальцами разбитый лоб, отдернул пальцы и скривился от боли. Потом снова посмотрел на освещенный салон «Мерседеса» и хрипло пробормотал:

– Э... ля...

Новый приступ головокружения едва не опрокинул его на землю, но Руслан схватился рукой за ствол дерева и сумел удержаться на ногах.

Судя по всему, его выбросило из машины и оглушило. Интересно, сколько он был без сознания?

Руслан поднял руку и посмотрел на циферблат часов. Секундная стрелка не двигалась, к стеклу прилип волосок. Руслан машинально провел пальцем по стеклу, убирая его, но тут же отдернул руку и скривился от боли. «Волосок» оказался трещиной. На стекле осталась смазанная капля крови.

Руслан опустил руку и посмотрел на «Мерседес». Дверца рядом с водительским сиденьем была распахнута. Руслан, прихрамывая, подошел к машине и заглянул внутрь. Салон оказался пуст.

Руслан выпрямился и посмотрел по сторонам. В голове у него все еще гудело.

– Эля! – позвал он и закашлялся.

Кровь из разбитой губы заполнила рот. Он сплюнул и вытер губы рукавом пиджака. Снова огляделся и позвал, на этот раз уже громче:

– Эля!

Ответом ему была тишина. Борясь с тошнотой и головной болью, Руслан походил вокруг перевернутой машины, осмотрел землю. Он увидел темные пятна, но не смог понять, кровь это или бензин. В одном месте Руслану показалось, что он разглядел след от звериной лапы. Впрочем, он не был в этом уверен.

Уверен он был только в одном – Эля пропала.

Полицейские, которые допрашивали бизнесмена Руслана Андреевича Старыгина, оказались в точности такими, как их изображают в книгах, – циничные, нагловатые, с холодными, подозрительными глазами. Первый, капитан Данилов, был невысок, но хорошо сложен, с манерами дамского угодника. Второй, капитан Волохов, здоровенный, как медведь, и такой же опасный.

– Руслан Андреевич... – Голос красавчика звучал нарочито вежливо, но отчасти насмешливо, отчасти презрительно. – ...Что вы можете сказать об исчезновении вашей секретарши?

– Ровным счетом ничего, – сухо ответил Руслан. – Я не знаю, где она.

– Ну, это понятно, – вступил в разговор «медведь». – Если бы вы знали, где она, вы бы нам обязательно рассказали? Ведь так?

– Так, – тем же сухим, неприветливым голосом ответил Руслан.

Сыщики переглянулись. Красавчик снова вступил в диалог:

– Я объясню, почему спрашиваю, – мягко произнес он. – Дело в том, что Эльвира Сахнович исчезла в тот же день, когда вы попали в аварию.

– И что?

– Мне-то лично – ничего. Но некоторым это кажется подозрительным.

Руслан пожал плечами, но ничего не ответил. Тогда «медведь» Волохов осторожно и как бы невзначай заметил:

– Секретарши часто оказывают своим боссам интимные услуги.

– Да, я об этом слышал, – с ледяным спокойствием отозвался Руслан.

– Секретарш можно понять, – сказал капитан Данилов, – и боссов – тоже. Первыми движет желание сделать себе карьеру. Ну, или хотя бы получить дорогой подарок к Восьмому марта. Вторыми – потребность снять стресс.

– Нам обязательно об этом говорить? – поинтересовался Руслан.

– А вы сами как считаете?

– Я считаю, что ваши подозрения безосновательны. У нас с Эльвирой Сахнович были сугубо деловые отношения.

– Для многих секс на работе – тоже «деловые отношения».

Руслан слегка побледнел.

– Послушайте, я понимаю, куда вы клоните. И потому повторяю вам еще раз: между мной и Эльвирой не было никакого интима на работе. Я женат и люблю свою жену. Ясно вам?

Сыщики переглянулись.

– Разумеется, – сказал капитан Данилов с усмешечкой.

Сказал таким голосом, что Руслану тут же захотелось дать ему в морду.

В кармане у сыщика-верзилы зазвонил мобильник. Он достал трубку из кармана, буркнул в нее «да», выслушал, сказал «есть!». После чего подошел к капитану Данилову и что-то шепнул ему на ухо.

Оба тут же засобирались. Данилов всучил Руслану свою визитную карточку и сказал уже совершенно спокойным, чуть усталым голосом:

– Если вспомните что-то важное – позвоните мне.

– Хорошо, – отозвался Руслан и спрятал карточку в карман.

– Если позвоните по рабочему и меня не окажется на месте, попросите соединить вас с капитаном Волоховым.

– Это я, – пробасил «медведь».

– Да, вы уже представлялись, – сказал Руслан. – У меня хорошая память на имена.

– Вот и отлично. Не будем вас больше отрывать от работы.

Полицейские направились к двери. Перед тем как выйти, капитан Данилов на минуту остановился и, обернувшись, негромко проговорил:

– Она была красивая, правда?

– Пожалуй, да, – сказал Руслан.

– Всегда обидно, когда умирают красивые женщины. Уродин не так жалко, верно?

Он подмигнул Руслану и вышел из кабинета. Здоровяк

Волохов смерил Руслана свирепым взглядом голодного зверя, кивнул ему в знак прощания и, развернувшись, последовал за своим напарником.

Когда за ними закрылась дверь, Руслан рухнул в кресло. Достал из кармана платок, промокнул вспотевший лоб и только затем перевел дух.

Прошло несколько минут. Руслан по-прежнему сидел в своем кресле – молча и неподвижно. Лоб его пересекли морщины, на лице отобразилось выражение мучительной задумчивости.

Наконец он вышел из оцепенения, достал из ящика стола бутылку виски, широкий стакан, наполнил его наполовину и с жадностью выпил.

Напиток обжег ему рот и горячей волной прокатился по пищеводу. В затылок что-то мягко ударило, окружающий мир стал теплее и комфортнее. Руслан наполнил стакан снова.

За окном стемнело. Воздух в кабинете потускнел, словно покрылся грязным налетом неприятных и тревожных мыслей. Руслан сам не заметил, как задремал.

Из дремы его вывел чей-то негромкий голос.

– Руслан.

Старыгин открыл глаза. В кабинете царил полумрак. Он не сразу увидел женский черный силуэт на фоне мрачного окна.

– Милый, ты дашь мне сигарету?

Руслана пробрал мороз.

– Я... – Он сглотнул слюну. – Я не...

– Ты прав. Мне пора бросить. Или... быть может, уже не стоит?

Руслан молчал. Девушка тоже замолчала. Некоторое время они сидели в тишине. А потом она поднялась, подошла к креслу Руслана и присела на подлокотник, продолжая вглядываться ему в лицо своими мерцающими глазами.

– Руслан, – снова окликнула она. – Можно тебя спросить?

– Да, – промямлил Старыгин.

– Почему ты меня оставил?

– Тебя там не было, – сказал Руслан. – Не было в машине.

Она провела ладонью по его волосам – нежно, как в былые времена. Потом приблизила губы к его уху и тихо прошептала:

– Ты должен был найти меня.

– Я... искал. – Руслану пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос его не задрожал и не сорвался. – Но тебя нигде не было.

– Почему ты ничего никому не рассказал?

– Я не смог. Если бы все узнали, что ты была со мной в машине...

Внезапно девушка положила ему палец на губы.

– Не надо, – сказала она. – Не говори ничего.

Палец был холодный, просто ледяной. Она улыбнулась.

– Я все понимаю. Я могла скомпрометировать тебя. Ты не

хотел потерять семью. И не только семью. Ты вынужден был так поступить, правда?

Руслан нашел в себе силы, чтобы выдохнуть:

– Да.

– Ты был вынужден сделать то, что сделал.

– Да, – снова отозвался он.

Она помолчала, а потом произнесла очень тихим и очень грустным голосом:

– Знаешь, а ведь я все еще люблю тебя.

– Я... тебя тоже, – хрипло пробормотал Руслан. – Я... Я развелся с женой. Я не смог с ней больше жить.

Эля отпрянула и произнесла с невыразимой грустью и тоской в голосе:

– Слишком поздно, Руслан. Слишком поздно. Почему ты не сделал этого раньше? Мы могли быть счастливы.

И тут Руслан выдохнул, сам от себя не ожидая:

– Я скучаю по тебе!

Он не видел лица Эли, но понял, что она улыбнулась. Однако от улыбки ее повеяло холодом.

– Не скучай, – проговорила она изменившимся, хрипловатым голосом. – Я вернусь.

– Вернешься?

– Да. Я вернусь. Вернусь за тобой.

Она наклонилась и поцеловала Руслана в губы. Ее поцелуй обжег холодом. Руслан вскрикнул и – проснулся.

Открыв глаза, он еще с минуту сидел в кресле, приходя в себя и время от времени трогая губы кончиками пальцев. Ему все еще казалось, что он чувствует холодный вкус поцелуя Эли.

Наконец, стряхнув с себя липкие остатки кошмарного сна, Руслан сунул руку в карман пиджака, висевшего на спинке стула, но вместо сигарет достал из него нечто совсем другое. Это был обгоревший платок Эли, тот самый, которым она вытирала глаза за минуту до аварии.

Несколько секунд Руслан изумленно таращился на платок, а потом бросил его на стол, словно испугался, что платок прожжет ему руку. Некоторое время спустя, немного успокоившись, Старыгин снова взял платок и развернул его в пальцах. Края были обуглены, а в центре Руслан увидел пятно. Оно было необычной формы, и будто бы даже не пятно, а рисунок. Круг, похожий на увеличенный отпечаток пальца, а в центре – небольшой крестик.

Хмуро глядя на платок, Старыгин сипло пробормотал:

– Откуда ты взялся?

Затем тряхнул головой, прогоняя дурные мысли, взял со стола телефон и набрал номер своего приятеля-адвоката.

– Слушаю, – отозвался тот после четвертого звонка.

– Ты еще не спишь? – спросил Руслан, неприязненно и задумчиво поглядывая на платок.

– Нет, – ответил приятель-адвокат. – Ты же знаешь, я поздняя пташка.

– Мы можем где-нибудь... выпить?

– Что-то случилось?

– Мне опять снились кошмары.

– Ясно. Хочешь встретиться в баре или приехать к тебе домой?

– Лучше в баре.

– В «Лагуне»?

– Давай в «Лагуне».

– Я смогу подъехать минут через сорок. Тебя устраивает?

– Да. Я приду раньше и закажу нам выпить.

– О'кей. Не раскисай, Руслан. На свете не бывает неразрешимых проблем. По крайней мере, пока мы живы.

Через час Руслан Старыгин и адвокат Комаровский, ло- щеный, аккуратный, моложавый, сидели в баре.

– Ну? – поинтересовался Комаровский, отпив глоток хо- лодного пива. – И какая муха тебя укусила?

– Мне снятся кошмары, – хмуро произнес Руслан, глядя в свой бокал.

– Дорогой мой, они всем снятся.

– Ты не понял. В этих снах Эля приходит и говорит со мной. И так... каждый день.

Адвокат едва заметно усмехнулся.

– Старик, я не силен в толковании снов. Я адвокат, а не психотерапевт. Если хочешь, могу дать тебе номерок одного врача, который выпишет тебе...

– Мне не нужен врач, – перебил Руслан. Он поднял взгляд от бокала и посмотрел на Комаровского. – Послушай, я вот все думаю... А что, если она жива?

– Эля?

– Да.

Адвокат поморщился:

– Ерунда. Ее утащили звери. Ты сам говоришь, что видел на земле медвежьи следы. И сыскари с тобой согласились.

– Да, но... Зачем медведю доставать ее из машины и уно- сить?

– Хочешь сказать – почему он не сожрал ее на месте? Видишь ли, звери не любят запах железа и бензина. Этот запах их пугает. Медведь унес добычу в безопасное место, только и всего.

При слове «добыча» Руслан слегка побледнел.

– Все не так просто, – негромко произнес он.

– Наоборот. Все очень просто. Предположим на минуту, что ты прав. По-твоему, она просто встала и ушла? В таком случае где же она бродит до сих пор?

Руслан достал из кармана обгоревший платок и положил его на стол.

– Что это? – спросил Комаровский, с некоторой брезгливостью взирая на платок.

– Платок Эли, – ответил Руслан.

Адвокат сдвинул брови.

– Он обгоревший?

– Да.

– И зачем ты мне его показываешь?

– Час назад я нашел его у себя в кармане.

Комаровский наморщил высокий лоб.

– Очень жаль. Но... я все равно ничего не понимаю.

– Этот платок был у Эли, когда мы попали в аварию. И вдруг сегодня он оказался в кармане моего пиджака.

Комаровский вздохнул:

– Знаешь, Руслан, это уже похоже на манию преследования.

– Думаешь, я сам этого не понимаю? Все говорит о том, что я схожу с ума. Но я здоров. И этого платка у меня в кармане не было.

– Тогда как он там появился?

– Я не знаю!

Посетители бара, привлеченные громким голосом, оглянулись на Руслана и его собеседника. Адвокат посмотрел на них и успокаивающе поднял ладонь. Затем перевел взгляд на своего друга и клиента:

– Тише, дружище, тише. Не надо привлекать внимание.

Руслан снова откинулся на спинку стула.

– На этом платке есть рисунок, – устало произнес он. – Посмотри.

Адвокат взял смятый платок и с явным отвращением развернул его.

– Это просто пятно, – сказал он после паузы. – Хотя... Похоже на лабиринт.

– На что?

– На лабиринт. Посмотри сам. – Он протянул платок Старыгину. – Видишь? Вот линии, вот тупики... А в середине – крест. Как будто конец пути.

Руслан вырвал платок из рук адвоката, яростно его смял и швырнул в пепельницу.

– Ты еще больше сумасшедший, чем я, – с досадой проговорил он.

Адвокат усмехнулся и пожал плечами:

– Ты сам его сюда притащил.

Руслан вздохнул и потер ладонями лицо.

– Черт... – страдальчески пробормотал он. – Я совсем запутался.

– Ты устал, – сказал Комаровский. – Перенервничал. Все, что тебе нужно, – это хороший отдых в каком-нибудь укромном месте. Послушай, что, если тебе уехать? Куда-нибудь в Таиланд или на Бали? Снять бунгало, отключить телефон...

– Я не могу уехать, – сказал Руслан. – У меня дела в Москве. Я должен быть здесь.

– Гм... – Адвокат задумчиво поскреб пальцем щеку. – Ну, хорошо. Тогда останься в Москве, но веди свои дела из какой-нибудь глухой норы, куда никто не сможет добраться.

– Я не смогу в норе, – хмуро произнес Старыгин. – Мне тяжело быть наедине с собой.

– Красиво сказал, – одобрил адвокат. – Ладно. Тогда сними квартиру где-нибудь в тихом районе. Поживи там, пока журналисты не потеряют к тебе интерес и не переключатся на кого-нибудь другого.

И вдруг лицо Комаровского просияло.

– Идея! – тихо воскликнул он. – Никаких съемных квартир с их назойливыми хозяевами и любопытными менеджерами. Мы сделаем лучше. Ты будешь жить у меня!

– Что? – Старыгин удивленно посмотрел на приятеля. – У тебя?

– Ну, то есть не совсем у меня, – смутился Комаровский. –

Видишь ли, я тут как раз приобретаю новую квартиру.

– Ты купил квартиру?

– Не совсем. Я еще не подписал договор, но, скорей всего, подпишу.

– Зачем тебе квартира? У тебя куча всякого жилья.

Адвокат улыбнулся и дернул плечом:

– Да я и не собираюсь там жить. Просто инвестирую деньги.

– Цены на недвижимость падают.

– Да, но не на эту. На эту они будут расти, вот увидишь.

Ты что-нибудь слышал про «Умный дом»?

Старыгин покачал головой:

– Нет.

Адвокат хмыкнул:

– Старик, ты не следишь за новостями? Недели две назад о нем много говорили по ящику. Пустили журналистов побродить по квартирам, и все такое. Что, действительно не слышал?

– Да не слышал, говорю же тебе!

– Тихо. – Комаровский снова стрельнул глазами по залу ресторана. – Не горячись. Этот дом – футуристическое чудо. Он так нафарширован электроникой, что можно считать его гигантским обитаемым компьютером.

– Ты собираешься жить в компьютере?

– Я же говорю – это выгодное вложение денег. Хотя... – Комаровский отхлебнул пива и снова пожал плечами. – По-

чему бы и нет? Я не боюсь новшеств. Тем более когда они позволяют жить с комфортом. Кажется, у меня с собой есть буклет. Хочу, чтобы ты его посмотрел.

Комаровский полез в портфель. Пока адвокат рылся в его кожаной утробе, Руслан закурил.

– Ага, вот!

Комаровский протянул Старыгину глянцевый рекламный буклет. Руслан взял его, скользнул взглядом по рисунку на обложке – двадцатидвухэтажная «башня» совершенно его не впечатлила, – раскрыл наугад и прочел:

«Это интеллектуальное здание обладает поистине фантастическими возможностями. «Умный дом» позволяет автоматизировать практически все аспекты современной жизни. Даже бытовая техника в «Умном доме» может осуществлять большинство функций самостоятельно. «Умный дом» существует согласно сценарию, придуманному пользователем, что делает жизнь владельцев загородных домов мобильной и комфортной, избавленной от домашних забот и суеты...»

– Саморегулирующаяся температура воздуха! – сказал Комаровский восторженным голосом. – Встроенные в стены телевизоры с три-дэ, голосовое управление всей бытовой техникой, которая есть в квартире. Да всего и не перечислишь!

Руслан швырнул буклет на стол и посмотрел на адвоката.

– Ты на полном серьезе советуешь мне там поселиться?

– А что, по-моему, хорошая идея. Не хочешь обращаться к психотерапевту – смени обстановку. Иначе ты просто сойдешь с ума. Кстати, через пару дней там будет акция для тех, кто собрался купить квартиру, но еще не подписал договор купли-продажи. Для колеблющихся, в общем.

– Что за акция?

– Что-то вроде ознакомительной экскурсии. А вернее – «ознакомительного проживания». Людям предлагается пожить пару дней в «Умном доме», в тех самых квартирах, на которые они положили глаз. Ты можешь поехать вместо меня. Пока будешь там жить, я подпишу договор, и ты останешься в «Умном доме» на столько, на сколько пожелаешь.

– Ну, не знаю... – с сомнением проговорил Руслан. – А как же журналисты?

– Волна репортажей об «Умном доме» уже схлынула. Журналисты выжали из этой темы все, что только можно. Кроме того, все сейчас озабочены этим терактом на Войковской.

– Даже не знаю... – снова сказал Старыгин, морща лоб.

– Нечего тут думать! Тебе нужно отдохнуть, и лучшего места, чем этот дом, не найти. Формальности я улажу.

Руслан снова посмотрел на обложку. На этот раз фасад серой «башни» показался ему зловещим. Но в принципе идея Комаровского пришлась ему по вкусу. Руслан поймал себя

на том, что не хочет возвращаться домой – ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Пожалуй, лучше всего будет продать свою квартиру. А пока суть да дело, можно и впрямь пожить пару недель в этом «Умном доме».

– Надеюсь, ты не ошибаешься, – сказал Руслан. – Я возьму буклет?

– Конечно.

Старыгин сгреб его со стола, сложил пополам и сунул в карман пиджака.

* * *

Когда Руслан ушел, адвокат Комаровский достал из кармана мобильный телефон и набрал нужный номер.

– Слушаю вас, – отозвался ровный, спокойный голос после двух гудков.

Комаровский нажал на кнопку записи разговора и сказал в трубку:

– Он согласился.

– Это точно?

– Да. Можете внести его в список.

– Хорошая работа, господин Комаровский. Деньги на ваш счет будут переведены немедленно.

– Надеюсь, что так.

– Забудьте о нашем знакомстве. Никогда и нигде о нем не упоминайте. Это в ваших же интересах.

– Да ведь мы с вами даже...

«Даже не знакомы», – хотел сказать Комаровский, но единственный собеседник уже отключил связь.

Адвокат опустил телефон и задумчиво нахмурил лоб. На душе у него было беспокойно. В конце концов, после недолгих размышлений он поборол угрызения совести и тихо пробормотал, утешая себя:

– Я не продаю друзей. Я продаю свою лояльность. Такова уж моя работа.

Мобильник пискнул у него в руке. Комаровский глянул на экран и прочел пришедшее смс-сообщение:

«Операция зачисления на сумму 1 200 000 руб. выполнена успешно».

Комаровский положил телефон на стол и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Дело сделано, и теперь уже поздно рассуждать, нравственно он поступил или нет. В конце концов, в наше время совесть такой же товар, как любой другой. А значит, главное – не продешевить при его продаже.

«Кажется, я не продешевил», – подумал адвокат Комаровский.

Тревожило его сейчас другое, а именно – он совсем не обезопасил себя от возможных проблем. Он не знал имени своего собеседника, не знал людей, которых тот представляет.

Единственная «подушка безопасности» – это записанный на диктофон разговор. Не ахти какая гарантия, но лучше,

чем совсем никакой.

Стоило Комаровскому об этом подумать, как случилось невероятное: мобильный телефон, лежащий на столе, издал резкий шипящий звук, дисплей треснул, и от него тонкой струйкой взвился вверх дымок.

Комаровский схватил мобильник, но тут же, тихо вскрикнув, выронил его на стол – телефон был горячим, почти раскаленным. Вся его электронная начинка, по всей вероятности, выгорела.

Около минуты адвокат Комаровский молча хмурил брови и с опаской смотрел на сгоревший мобильник. Он понял, что люди, с которыми он связался, умеют просчитывать партию на много ходов вперед и не допустят огласки.

Что ж, в таком случае не стоит и рыпаться.

«Будь что будет», – решил Комаровский.

Подозвав официанта, он заказал графин холодной водки и пару бутербродов с красной икрой.

Глава 2

Сестры

1

Вела «Нисан» младшая из трех сестер – двадцатичетырех-летняя Илона, красавица блондинка, из тех, кого мужчины никогда не пропускают и которые активно этим пользуются. Илона курила сигарету, небрежно управляя машиной одной рукой.

Ника, старшая сестра Илоны, поглядывала на дорогу с опаской. Она так и не смогла толком освоить науку вождения, хотя посещала специальные курсы и много занималась с инструктором.

Заметив беспокойный взгляд сестры, белокурая Илона усмехнулась:

– Не бойся, сестренка, я хороший водитель.

– Все так говорят, пока во что-нибудь не врежутся, – проворчала Ника. – И дернул же меня черт сесть с тобой в машину. Нужно было добраться до дома на такси.

– Нэт проблем, дарагая! В следующий раз поедешь на такси. И мне будет лучше. Мой салон уже провонял твоими дешевыми духами!

Ника сдвинула брови и посмотрела на сестру недовольным взглядом. Она была полной противоположностью Илоны: темные волосы, стриженные в каре, бледное, сосредоточенное, чуть полноватое лицо, не лишенное, впрочем, особой неяркой красоты, которая требует времени, чтобы ее разглядели.

– Слушай, Илон, – сердито проговорила она, – зачем ты хочешь казаться хуже, чем есть?

Белокурая Илона стряхнула с сигареты пепел и насмешливо произнесла:

– Ошибаешься, мамочка. На самом деле я гораздо хуже, чем хочу казаться.

– И это странно. В детстве ты была хорошей девочкой.

– Когда я в пятом классе украла у тебя из кошелька деньги, ты говорила иначе.

– Да... Тогда я подумала, что это случайность, не зная: воровство и подлость станут твоими постоянными спутниками.

Илона засмеялась чистым, звонким смехом, и тут в разговор вступила третья сестра – пятнадцатилетняя Аня. До сих пор она сидела сзади молча, слушая музыку и меланхолично поглядывая в окно, но сейчас вынула из уха наушник и насмешливо проговорила:

– Ты ведь только что говорила, что Илонка кажется хуже, чем на самом деле! А теперь выходит, что она – законченная тварь? Где же логика, сестра?

– А ты помалкивай, мелкая, – обронила через плечо Ника. – Ты обещала, что будешь себя вести тише воды ниже травы.

– Я передумала, – заявила Аня. – Я слишком яркая личность, чтобы быть ниже травы!

– Вот дам тебе ремня, тогда и узнаем, какая ты личность, – проворчала Ника.

Аня криво ухмыльнулась:

– Хотела бы я на это посмотреть. У тебя и ремня-то нет.

– Выйду замуж – появится.

– Не выйдешь, – отрезала Аня.

– Почему?

– Ты – закоренелая холостячка и не захочешь менять устоявшийся уклад жизни. Ты привыкла быть одна, тебе так нравится.

– Ты что, мелкая, заделалась психологом?

– Психолог – это тот, кто анализирует человека, чтобы докопаться до первопричин его поведения и настроения, – назидательно проговорила Аня. – А в тебе копать не надо, ты вся на виду.

– Не слишком-то лестная характеристика, – заметила с водительского кресла белокурая Илона.

– Зато правдивая, – сказала на это Аня.

Ника вздохнула:

– Когда мама рожала тебя, она не знала, что рождает чудовище. Нужно было удавить тебя в колыбели, пока я могла

это сделать.

– Ты упустила свой шанс, – невозмутимо сказала Аня. – Теперь мучайся.

Она снова сунула в ухо пуговку наушника, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

– Придумали тоже – «ознакомительное проживание», – иронично проговорила Илона. И констатировала с усмешкой: – «Умный дом», набитый глупыми и ненастоящими жильцами.

– И к чему ты это сказала? – осведомилась Ника.

– Ни к чему. Просто каламбур.

Ника вздохнула, с сожалением глядя на белокурую «пустьшку» Илону:

– Не знаю, как насчет всех жильцов, а одна идиотка в нем сегодня появится точно.

– Это, конечно, я?

– Конечно.

Илона выбросила в окно окурок и покосилась на сестру.

– Слушай, Ника, за что ты меня так ненавидишь?

– За что? Ты дурочка или притворяешься?

– Дурочка. Ты же сама только что сказала. Так за что конкретно ты меня ненавидишь?

– Ты увела у меня двух парней. И, между прочим, за одного из них я собиралась замуж.

Илона скривилась:

– Глупости. Это не причина. Во-первых, это было давно.

А во-вторых, я тебя спасла.

– От чего?

– От разочарования. Что это за жених, который волочитя за каждой юбкой?

Ника нахмурилась еще больше.

– Слушай, ты можешь помолчать? – хмуро сказала она. – У меня от тебя уже голова начинает болеть.

– Прости, я забыла, что у вас были целомудренные отношения.

– Я собиралась за него замуж и берегла себя до свадьбы!

Илона кивнула:

– Да, я помню. Зато после ссоры с ним ты быстро навЕРСТАЛА упущенное. И знаешь что... Была бы ты податливее – он бы от тебя не убежал.

Ника посмотрела на сестру долгим, пристальным взглядом, а затем произнесла – холодно и спокойно, словно озвучивала всем известную истину:

– Ты циничная мразь.

Илона улыбнулась:

– Спасибо за комплимент. Кстати, мы подъезжаем. Вон он – твой «Умный дом»!

Ника взглянула на двадцатидвухэтажное серое здание, возвышающееся среди пустырей. Издалека оно походило на средневековый замок, не хватало только башенок.

– Спасибо, что согласилась меня приютить, – сказала вдруг Илона.

– Кушай с булочкой, – отозвалась Ника.

Илона сбавила скорость и свернула на автостоянку.

Едва они вошли в холл, как прямо у них перед лицами повис в воздухе голографический экран, и на нем появилась объемная женская голова. Женщина, по-журнальному гладкая и красивая, моргнула длинными ресницами, ослепительно улыбнулась и пропела приветливым, хорошо поставленным голосом:

– Здравствуйте! Мы рады приветствовать вас в «Умном доме»! Наш «Умный дом» умеет управлять системами вентиляции, кондиционирования и отопления, которые создают благоприятный климат в вашем жилище. Атмосфера в «Умном доме» всегда отвечает вашим требованиям! Если вы захотите выслушать полную информацию...

– Не хотим, – отрезала Ника, которая первой пришла в себя. – Мы хотим пройти.

– Мы будем рады помочь вам освоиться в «Умном доме»! – виртуальная женщина снова одарила сестер улыбкой и исчезла. А вслед за ней исчез и повисший в воздухе голографический экран.

– Ох, ты! – выдохнула Аня. – Классно, правда?

– Правда, – сказала Илона. – Как в фантастическом кино.

– Ничего фантастического, – сухо произнесла Ника. – Всего лишь низкокачественная голограмма. Такие еще в Советском Союзе умели проецировать.

Илона и Аня переглянулись и фыркнули.

– Идемте! – повысила голос Ника.

И первая покатила свою сумку на колесиках к стойке охраны. Возле нее уже были люди. На мягком диванчике сидел небритый темноволосый мужчина лет тридцати пяти на вид, одетый недешево, но небрежно. В руке он держал серебристую фляжку. Рядом с ним сидел парень лет двадцати с раскосыми глазами азиата. Прямо перед диванчиком стояли, держась за руки, молодые парень и девушка – оба светловолосые, с чистыми лицами и сияющими глазами.

– Мы молодожены! – сказал блондин мужчине, сидевшему в кресле. – Два дня как вернулись из свадебного путешествия!

Тот разомкнул губы и осведомился насмешливым тоном:

– Счастливые розовые поросята?

– Что? – не понял парень.

– Я говорю – поздравляю!

Он отсалютовал им своей фляжкой и сделал большой глоток. Блондин чуть покраснел.

– Спасибо, – сказал он, сделав вид, что пропустил хамство мимо ушей.

– А где вы проводили свой медовый месяц? – спросил у молодоженов узкоглазый парень.

– В Таиланде! – ответила девушка.

Молодожены переглянулись и, расплывшись в улыбках, проговорили хором:

– Сават ди кхрап!

И засмеялись.

– Что это значит? – спросил мужчина с фляжкой.

– Это значит – здравствуйте! – ответила девушка.

– Ясно, – с мрачной усмешкой проговорил небритый брюнет. – Сават ди кхрап! – Он снова отсалютовал молодоженам фляжкой. – Желаю, чтобы вы всю жизнь прожили вместе!

– Это было бы здорово! – улыбнулся блондин.

– Чтобы вы вместе состарились, превратились в дряхлых, беззубых, больных стариков и умерли в один день на соседних кроватях. Ура!

Брюнет отхлебнул из бутылки. Девушка и парень все еще улыбались, но улыбки у них стали какими-то неуверенными и кислыми.

– И чтобы нарожали кучу здоровых детей, а они вам – целую армию замечательных внуков! – исправил ситуацию парень-азиат.

– Спасибо! – улыбнулась ему девушка. – Мы как раз сегодня говорили об этом! Сашенька хочет двух мальчиков и девочку, а я...

– А Шурочка – пятерых детей! – сообщил парень. – И при этом ей все равно, какого пола. Даже если пять девочек подряд!

– Пять девочек... – задумчиво проговорил мрачный брюнет. – Придется все свое время тратить на то, чтобы провожать их в школу с кастетом в руке, а потом вести обратно

домой, также не снимая кастет с кулака.

– Все не так грустно, – возразила ему девушка. – К тому времени, когда наши дети вырастут, мир изменится. Мы думаем, что войн уже не будет. Люди придумают, как добывать энергию из земли, света и воздуха в любом количестве, и воевать больше будет не из-за чего. Да ведь, Сашенька?

– Да, зая! Все так и будет!

Он поцеловал юную жену в щеку.

– Ладно, мы поедem! – сказала она мрачному брюнету и его приятелю-азиату. – Просто валимся с ног от усталости!

И они покатили свои чемоданы мимо вахты по направлению к лифтам.

Илона, Ника и Аня подошли к стойке. Перед ними вдруг возник темноволосый вертлявый мужчина в белоснежной рубашке и галстукe-бабочке какого-то странного мерцающе-радужного цвета.

– Добрый день! – поприветствовал он сестер. – Вы на ознакомительное проживание?

– Да, – ответила за всех Ника.

– Могу я взглянуть на ваши паспорта? – с улыбкой произнес охранник. И тут же с виноватым видом добавил: – Это единоразовая мера. Как только я их отсканирую, вас занесут в базу жильцов дома и наш «Умный дом» будет сам открывать перед вами все двери!

– Да нет проблем, – сказала Ника. – Девчонки, давайте сюда ксивы!

Она взяла у Илоны и Ани паспорта, добавила к ним свой и вручила охраннику. Он склонился над сканером.

– Эй, цербер! – хрипло окликнул его мрачный брюнет. – Может, займешься наконец нами?

– Простите, ваши данные еще обрабатываются, – не поднимая головы, отозвался охранник.

Аня насмешливо посмотрела на мрачного брюнета, потом перевела взгляд на парня-азиата и весело осведомилась:

– Что, не пускают домой?

Тот улыбнулся и вежливо ответил:

– Мой спутник потерял паспорт. Из-за этого вся морока.

– Ясно, – сказала Аня. И вдруг спросила: – Вы геи?

– Что? – опешил азиат.

– Ну, вы голубые?

– Нет, что вы! – Он стушевался. – Я...

– Не разочаровывай девочку, – с кривой усмешкой проговорил брюнет. – Если она хочет считать нас педиками, пусть считает. За голубков!

И, подняв фляжку, он запил тост новым глотком.

Тем временем охранник отсканировал паспорта сестер и вернул их обратно.

Илона и Аня без промедления направились дальше, а Ника задержалась, взглянула на мрачного брюнета и спросила:

– Зачем вы с ними так?

Брюнет окинул ее равнодушным взглядом и ответил:

– Не терплю дураков. А молодых дураков – вдвойне. А эти

щентя вообще вредны. Если их кто-нибудь не убьет, они нарожают целую кучу таких же идиотов и еще ближе подтолкнут человечество к вырождению и гибели.

– Значит, они дураки? – уточнила Ника.

– В точку! – усмехнулся брүнет.

Он сузила глаза:

– А вы?

– Что я?

– Вы – умный?

– Я здравомыслящий, – ответил брүнет.

Ника усмехнулась и уточнила:

– А разве не бывает на свете здравомыслящих болванов?

Мужчина покачал головой:

– Нет. Болван и здравомыслящий человек – две противоположные вещи.

– Ясно. Коньяком не подавитесь, Оскар Уайльд недоделанный.

Ника отвернулась и покатила свою сумку-тележку к лифтам.

Когда сестры оказались в кабине, экран на стене осветился и знакомая им уже виртуальная красотка поведала:

– Мы приветствуем вас в нашем «Умном доме»! Современные системы безопасности жилья включают защиту от пожара, вторжения, видеонаблюдение. А также автоматический контроль исправности инженерного оборудования, включая защиту от протечек – техническая сигнализация!..

– Хватит рекламы! – строго сказала Ника.

– Добро пожаловать домой! – пропела виртуальная девушка.

Экран потух, и дальше сестры ехали в тишине.

– ...Системы «мультирум» – распределение аудио– и видеосигналов из единого центра по комнатам! – вещала виртуальная девица с телеэкрана на стене. – Встроенная акустика, встроенные телевизоры...

– Ань, выключи ее! – сказала Ника, копаясь в сумках.

– К вашим услугам – компьютерная сеть Wi-Fi, сетевые хранилища, web-серверы... – продолжала свой перечень голограмма.

– Бла-бла-бла! – сказала Илона, вынула пульт из пальцев Ани и щелкнула кнопкой.

Затем швырнула пульт на столик и, устроившись в кресле, блаженно вытянула ноги.

– Ну? – с восторгом обратилась к ней Аня. – Что скажешь, Илонка?

– О чем? – не поняла та.

– Об этой «умной квартире»!

– Пока я особого ума не заметила.

– А как тебе это?

Аня хлопнула в ладоши, и свет в гостиной потух. Она снова хлопнула в ладоши, только уже два раза, и свет зажегся.

– Здорово, правда?! – восхищенно проговорила она.

Илона посмотрела на младшую сестру с сожалением:

– Нюша, ты серьезно? На дворе двадцать первый век. Эта

несчастливая люстра должна читать твои мысли, а ты ей в ладоши хлопаешь. Нашла кому аплодировать.

– Ты слишком требовательна.

– А ты – обыкновенный восторженный ребенок.

– Лучше быть восторженным ребенком, чем разочарованной старухой, – отрезала Аня.

– На меня намекаешь? – поинтересовалась Ника, не отрываясь от разбора вещей.

– Да нет. Это я так, абстрактно.

Аня развалилась на диване и надела наушники. Ника строго посмотрела на сестер.

– Что-то я не поняла... – снова заговорила она. – Я что, одна должна вещи доставать?

– А мы с Нюшей никуда не торопимся, – со сладкой улыбкой ответила ей Илона.

Она встала с кресла, прошла по комнате и уселась в другое кресло – перед туалетным столиком. Скептически оглядела свое лицо, а затем достала из сумочки губную помаду.

Ника посмотрела, как она подводит губы. Ей неприятно было признавать, что сестра настоящая красавица.

Между старшими сестрами было четыре года разницы. Ника росла болезненной девочкой, и из-за воспаления легких, подкосившего ее на пару месяцев, ей пришлось отучиться в выпускном классе два года подряд. Пока она валялась в больнице, Илона соблазнила ее парня, хотя маленькой мерзавке было всего четырнадцать. С тех пор белокурая и дерз-

кая Илона не упускала случая заполучить очередного парня своей менее яркой старшей сестры.

На вид Илона была типичной «блондинкой из анекдотов», однако она была гораздо умнее, чем хотела казаться.

Ника вздохнула и отвела взгляд. Она оглядела комнату. Дом будущего... Говорят, в ближайшие пять лет в Москве построят семь таких домов, но пока есть только этот.

– Знаешь, что мне напоминает этот дом? – произнесла Ника после паузы.

– Нет, – отозвалась Илона. Она убрала помаду и пошевелила губами, распределяя помаду. – И что же?

– «Титаник», – ответила Ника.

– Корабль?

– Трансконтинентальный океанский лайнер.

– Да, я помню. Я смотрела фильм с Ди Каприо. Лео там – просто душка! – Илона развернулась к Нике на вертящемся стуле и, озабоченно сдвинув брови, сообщила: – Слушай, я тут недавно смотрела с ним какой-то новый фильм. Как он постарел! Просто жуть!

– Все стареют. И ты, кстати, тоже.

– Знаю. У меня осталось всего года четыре. Через четыре года я стану такой же старой мымрой, как ты.

– Не смешно.

– Кому как!

На столе зазвонил телефон. Ника взяла трубку и прижала к уху:

– Слушаю!

Вместо голоса собеседника или гудков она слышала какие-то отдаленные, жуткие звуки – не то стон, не то глухой скрежет.

– Странно, – сказала Ника.

– Что? – отозвалась Илона с другого конца комнаты.

– Телефон не работает.

– Набери два ноля! Это номер администрации!

Ника отключила контакт и набрала два ноля.

– Добрый день! – услышала она доброжелательный голос. – Мы рады приветствовать вас в «Умном доме»!

– Я бы хотела...

– ...К сожалению, стационарные телефоны еще не подключены к сети. Если у вас есть вопросы...

Ника отключила трубку и швырнула ее на стол:

– Бред какой-то. Говорят, телефоны не подключены.

– Значит, сбой.

– Мне это не нравится. И даже почему-то тревожит.

– Расслабься. К твоему «окончательному заселению» они все починят.

– Ты слишком легко ко всему относишься.

– Правильно. – Илона пожала плечами. – Я ведь блондинка.

– Ты не настоящая блондинка. Ты перекрашенная шатенка.

– И что с того?

– С того, что ты лиса в овечьей шкуре. Перекраситься в блондинку – тактический ход.

– Тактический ход? Никуся, я ни с кем не воюю.

– Мне-то не заливай.

Илона засмеялась.

– Знаешь, Никуся, если когда-нибудь мне придется исповедоваться, я попрошу, чтобы ты это сделала за меня. Ты знаешь обо мне больше, чем я сама.

– Если я расскажу о тебе все, что знаю, ты попадешь в ад. Хотя... – Ника усмехнулась и пожала плечами: – Мне кажется, ты и там неплохо устроишься.

– Ты невыносима.

Илона встала с кресла, взяла из сумочки пачку сигарет и направилась к двери.

– Ты куда? – спросила Ника.

– Пойду покурю в подъезде.

– Зачем? В квартире куча вытяжек.

– А вдруг они еще не работают.

– Подожди секунду... Илон, тут внизу есть кафе. Вообще-то постоянно оно будет работать, когда заселится как минимум половина квартир, но сегодня, по случаю первого дня въезда, оно тоже открыто и будет работать допоздна.

– И что? – прищурилась Илона.

– Можешь сходить на разведку. Хоть какой-то будет от тебя толк.

– Ладно, посмотрим.

Илона вышла из комнаты.

– Смотри не заблудись! – громко сказала ей вслед старшая сестра.

– Не дожدهшься, – не оборачиваясь, отозвалась та.

– Стерва, – неслышно пробормотала Ника.

– Неудачница, – так же беззвучно прошептала Илона.

Глава 3

Треугольник

1

Ирина закончила наносить на лицо крем, поставила баночку на полку и взглянула на свое отражение. И тут в дверь позвонили.

– Широков, кто-то звонит! – крикнула она мужу. – Открой дверь!

– Сама открой! – отозвался тот.

– Не могу! Я переодеваюсь!

Ирина услышала мощные шаги мужа. «Будто слон шагает», – неприязненно подумала она.

Тем временем бурильщик Широков, двухметровый мужик с русой щетиной на обветренном грубоватом лице, открыл дверь. На пороге стоял долговязый худощавый парень в очках. Парень вежливо улыбнулся.

– Здравствуйте! – сказал он. – У вас есть соль?

– Соль? – Широков поскреб лапой волосатую грудь, едва прикрытую майкой. – Зачем тебе соль, парень? Внизу есть кафе, там тебе и посолят, и на язык положат!

– Ладно. Тогда я...

– Стой, стой, стой. – Широков оглядел «интеллигентика» с ног до головы. Рубашка, пиджак, джинсики, очки... – Ты откуда такой?

– Я ваш сосед, – вежливо сказал парень. – Слева.

– Слева, говоришь? Хм. И как тебя зовут, «сосед слева»?

– Алексей.

– Леха, значит. Ну, давай, заходи, дернем по полтиннику за знакомство.

– Да я вообще-то не пью...

– Так ведь это за знакомство. Давай, заходи, не обижай!

– Ну, ладно, – не совсем уверенно проговорил парень.

Бурильщик посторонился, давая гостю войти в прихожую.

Тот вошел, поправил пальцем очки, огляделся.

Из ванной на звук голосов вышла Ирина. Она была одета в изящный восточный халатик. Широков ощерил в улыбке крупные щербатые зубы и пробасил:

– Иришка, познакомься – это Леха, наш сосед из... Так из какой, ты говоришь, квартиры?

– Из соседней. Слева.

– Из соседней квартиры, – договорил Широков.

– Очень приятно! – Ирина посмотрела на гостя сквозь стекла изящных модных очков и протянула ему руку.

Парень осторожно пожал ее пальцы. Широков вдруг хихикнул. Ирина тут же отдернула руку и посмотрела на мужа вопросительным взглядом.

– Ты чего? – спросила она.

– Одним очкариком в нашей квартире стало больше! – пробасил бурильщик и снова гоготнул. – Слушай, Иришка, ты нам накрой по-быстрому стол – водочка там, закуски...

– Но я еще не ходила в магазин.

– У тебя там были какие-то консервы. Икорка, рыбка...

Мечи их на стол, нам сгодится.

Ирина посмотрела на мужа недовольным взглядом, вздохнула и пошла на кухню. Широков посмотрел ей вслед, хмыкнул и снова обратился к парню:

– Сейчас накроет. Она у меня золотце! А ты пока скидывай ботинки и мой грабли! Гигиена – превыше всего, понял?

– Понял.

Спустя десять минут вся троица – Широков, его жена Ирина и сосед Алексей – сидела за столом в кухне-гостиной, выполненной в самом современном стиле – нечто среднее между минимализмом, классикой и хай-теком. Выпили по первой, потом по второй. Широков снова взялся за бутылку.

– Ты кем работаешь-то? – спросил бурильщик у соседа.

– Я аспирант, – ответил тот вежливо. – То есть... уже молодой специалист. Со следующего месяца буду преподавать в вузе.

– И что преподаешь?

– Математику.

– О! Царица наук! Уважаю! Слушай, Леха, я что думаю, – заговорил бурильщик, разливая водку по рюмкам. – Мы мо-

жем две наши квартиры отделить от площадки и сделать там общий предбанник. Как ты на это смотришь?

– А зачем? – растерянно спросил тот.

– Как зачем! Поставим там ящики – под овощи, картошку. Опять же можно будет хранить громоздкие вещи – велосипеды, коляски. Ты, кстати, женат?

– Нет. А у вас... есть ребенок?

– Нет. – Широков самодовольно усмехнулся и обнял жену правой лапищей. – Но мы над этим работаем. Усиленно, каждую ночь, да не по одному разу.

– Коля, перестань! – осадила его Ирина.

– А что тут такого? Я ж, Леха, тружусь вахтенным методом. Месяц на Севере, месяц – здесь. За месяц так изголодаешься, что готов залезть на все, что движется. Не говоря уж про собственную жену.

– Коля!

– А чего – мы тут все взрослые люди. Но ты, Леха, смотри – к жене моей, пока меня не будет, не приставай. У меня рука тяжелая. Вот, глянь-ка... – Бурильщик сжал кулак. – Удар – пятьсот килограмм! Я тебе без шуток говорю. Бычка-двухлетку с ног валю! Веришь?

– Верю, – пробормотал Алексей.

– Ну, вот давай за это и выпьем.

– За что? За бычка?

– За силу нашу мужскую!

– Коля, тебе хватит.

– Короче – за «лося»! – не обращая внимания на ропот жены, уточнил бурильщик. – Чтоб хорошо жилося, чтоб хорошо спалось и чтоб хорошо еб... ся!

Они выпили.

Широков обнял жену за плечи.

– Моя Иришка – страшная шалунья! – сообщил он соседу игривым тоном. – Такое в постели вытворяет, что мама не горюй!

Бурильщик наклонился к уху аспиранта и громко зашептал:

– Скажу тебе по секрету, Леха, у нее *там* все выбрито! Все до последней волосинки, представляешь?

– Широков! – гневно осадила его Ирина.

Ее муж заржал и выпрямился.

– А что, он уже взрослый парень! Пусть завидует! А, аспирант? Завидуешь?!

Он весело хлопнул парня лапой по худому плечу.

– Ладно, я в туалет. Как говорят у нас на Севере, брошу «кирпич», пока окончательно не смерзся! А заодно проверю, достаточно ли этот дом «умный», чтобы подтереть мне задницу!

Он захохотал, поднялся из-за стола и удалился из гостиной. Ирина тоже встала и подошла к холодильнику.

Аспирант поднялся вслед за ней, подошел сзади почти вплотную – и вдруг обхватил рукой за талию и поцеловал в шею.

Ирина обернулась, и они слились в страстном поцелуе. Она положила ему палец на губы.

– Не надо. Он сейчас вернется.

– Я его ненавижу, – процедил аспирант сквозь зубы.

– Я тоже, – тихо сказала Ирина.

– Когда мы *это* сделаем?

– Скоро. Может быть, сегодня.

Алексей запустил ей руку под халат. Женщина тихо застонала и закусил губу.

– Сумасшедший, – пробормотала она.

Где-то хлопнула дверь.

– Он возвращается! – тихо воскликнула Ирина и оттолкнула от себя Алексея. – Быстро за стол!

Когда Широков вошел на кухню, они снова сидели со спокойными лицами, поблескивая интеллигентскими очками.

– А вы чего такие кислые? – громко спросил Широков, брякнувшись на стул. – Эх, вижу, студент, не умеешь ты дам развлекать. Ну, ничего, еще научишься, какие твои годы!

Он нагнулся и поцеловал Ирину в губы. Та отшатнулась, он засмеялся.

– Хорошая у меня жена, правда? А уж любит меня: как сучка – хозяйина! Пока я дома – ни на шаг не отходит. Все силы забирает, все соки из меня выпивает. Понимаешь, о чем

я? – Широков подмигнул парню, не замечая, как тот побледнел. – Страстная бабенка! Ну, давай – за баб!

Алексей резко поднялся из-за стола.

– Мне пора, – сказал он. Поправил очки и добавил: – Приятно было познакомиться.

– Ну, пора так пора. Где выход – знаешь, так что провожать не буду. Ты заходи, если что!

– Зайду, – пообещал аспирант. – До свидания.

Он повернулся и вышел из кухни. Ирина встала было следом, чтобы проводить гостя, но Широков удержал ее:

– Да седи. Он же сосед! Почти как член семьи.

– Да, – промямлила Ирина и снова села на стул.

Николай внимательно взгляделся в ее лицо.

– Чего это с тобой?

– А что?

– Как-то побледнела. Менструация, что ли?

– Отстань.

Из прихожей донесся щелчок закрываемой двери. Ирина повернулась к мужу и сердито заговорила:

– Дурак ты, Широков! Дурак и скотина! Наплел невесть что при чужом человеке!

– Да ладно тебе.

– Не язык – ботало! Что он о тебе теперь подумает? Да и обо мне заодно.

– Подумает, что я крутой мужик. А ты – страстная женка. Да ладно, не кисни. Иди-ка лучше ко мне.

– Отлипни! Я сегодня не хочу.

Бурильщик прищурил недобрые глаза.

– Только и слышу – отлипни да отлипни. Мне ж через несколько дней на вахту.

– Я не виновата, что плохо себя чувствую. Ты же знаешь, как на меня влияет погода. Голова болит, и вообще...

– Голова... – Широков вздохнул. – Голова – это, конечно, причина. Но ведь не повод? Не повод, а, Ириш?

– Хватит нести ерунду.

Он снова прищурил глаза и сказал властным, грубым, не терпящим возражений тоном:

– Сегодня ночью ты меня приголубишь, ясно?

– Чего?

– Сегодня ночью ты меня приголубишь.

– А не то что?

– Увидишь.

Ирина отвела взгляд.

– Угрожает он еще... – тихо проговорила она. – Водку-то допьешь или в холодильник убрать?

– Допью. Чего там уже допивать-то.

Широков взял бутылку и наполнил свою рюмку, но, прежде чем пить, посмотрел в окно.

– Погода портится, – сказал он.

– Да, – тихо отозвалась Ирина. – По телевизору обещали ураган.

– Для Москвы это уже не новость. Надеюсь, стекла в на-

шей «умной квартире» не повылечают. – Бурильщик посмотрел на жену замаслившимися от алкоголя глазами и насмешливо провозгласил: – За сегодняшнюю ночь! Она обещает быть бурной!

И залпом опорожнил рюмку.

Глава 4

Филипп

1

Филипп, тринадцатилетний мальчик с копной каштановых волос на круглой массивной голове, стоял у двери и слушал разговор родителей. В щель ему было видно и маму, сидящую на кровати, и отца, стоявшего за ноутбуком.

– Я хотела тебе кое-что сказать, – заговорила мать.

– Что? – спросил отец, просматривая на ноутбуке какие-то таблицы.

– Я хотела сказать... Черт, даже не знаю, как ты к этому отнесешься...

– Оль, давай без предисловий, – сухо проговорил он.

Она помолчала, а затем вдруг спросила:

– Олег, я уродина?

– Нет, – ответил отец.

– Может, я толстая?

– Нет.

– Я ухаживаю за собой, я занимаюсь спортом.

– Ну да. Ты у меня молодец.

Она посмотрела мужу в глаза:

– Олег, что со мной не так?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты мне изменяешь. Я знаю.

– Раз знаешь, то зачем об этом говорить?

Мать сжала кулаки. Отец заметил это, усмехнулся и сказал:

– Что ты хочешь от меня?! Чтобы я рассказал тебе в подробностях о том, как спал с твоей подругой? Хорошо. Мы занимались с ней *этим* на кухонном столе, в ванне с горячей мыльной водой и даже в парке, в кустах сирени! И это было здорово, слышишь? Это было великолепно!

Лицо матери стало белым, как бумага. В горле у нее что-то заклокотало, а затем она выговорила, будто выплюнула слова:

– Ты омерзителен! И я... я тоже тебе изменила!

– Что? – отозвался отец, не отрываясь от своих таблиц.

– Изменила! Причем два раза!

– Не выдумывай.

– Помнишь тех парней, которые строили нам сауну на даче? Я отдалась им!

Отец повернул голову и пристально посмотрел на мать. Его сухое, резкое лицо слегка вытянулось.

– Ты врешь, – сказал он спокойно и отчетливо.

Она покачала головой:

– Нет. Это было в твой день рождения. Ты работал до обеда. Этого времени нам хватило с избытком. Пока ты прини-

мал поздравленья от сослуживцев, я трахалась с этими парнями в недостроенной бане.

– Ты это выдумала, чтобы меня разозлить.

– Думай так, если тебя это утешит.

Мать поднялась с кровати. Ее рыжие волосы были слегка растрепаны, тушь на глазах размазалась, даже кофта смотрелась так, словно вдруг постарела лет на двадцать.

– Пойду сделаю нам кофе, – сказала мать.

Отец вскочил со стула и схватил ее за руку.

– Подожди, – гневно окликнул он.

Мать, такая же худощавая, как отец, но не менее сильная, высвободилась.

– Подожди! – рывкнул он, снова схватил жену за тонкое запястье и резко повернул ее к себе.

– Скажи, что ты все это выдумала, – глухо проговорил отец, глядя ей в глаза.

Мать улыбнулась и заговорила издевательски-спокойным, почти сладким голосом:

– Сперва я отдавалась им по очереди. Потом – обоим сразу. Когда мы начали, я чувствовала стыд, потому что делала это только затем, чтобы отомстить тебе. Но потом... потом мне понравилось. Это было так... brutally. Так восхитительно грязно и порочно.

Отец сжал кулак и размахнулся.

– Хочешь меня ударить? – Глаза мамы сузились и похолодели. – Только попробуй. Я зафиксирую побои, засужу тебя,

разведусь и заберу половину всего, что ты имеешь. А ты этого не хочешь, верно? Ты скорее сотрешь себе зубы от злости в порошок, чем позволишь разорвать свою фирму пополам. И еще – я не дам тебе купить и перепродать эту квартиру. А ты ведь задумал всю эту куплю-продажу, чтобы отмыть деньги, верно? Я слышала твой телефонный разговор.

– Я тебя... я тебя...

– Что ты меня?

– Я тебя ненавижу!

– Это чувство у нас взаимное. – Она стряхнула его пальцы со своего запястья. – Приготовить тебе ужин, дорогой?

– Подавись своим ужином!

– Правильно делаешь, что отказываешься. В последнее время я рассеянная и легко могу насыпать в блюдо крысиного яду вместо твоих любимых специй.

Мать двинулась к двери. Фил отпрянул и скрылся за углом.

– Мне противно на тебя смотреть! – услышал он гневный голос отца.

– Что поделать, – отозвалась мать, подойдя к двери. – Мне вообще не по себе от того, что ты дышишь и топчешь землю. Я бы хотела, чтоб ты взорвался, испарился, исчез навсегда. – Она усмехнулась. – Но чего в нашем мире стоят желания?

Когда мать вышла из спальни, Фил уже был в своей комнате. Он слышал, как она прошла на кухню.

«Может, она и правда его отравит?» – подумал он, вздох-

нул, подошел к квадратному аквариуму, в котором сидела Агата, и постучал ногтем по стеклу. Агата открыла глаза и взглянула на него.

– Покормлю тебя позже, – сказал ей Филипп. – Ты не против?

Она закрыла глаза.

Филипп еще немного постоял у аквариума и полюбовался на свою подругу. Ему вспомнился день, когда он решил ее завести.

– Мама, папа! – возбужденно окликнул Фил тогда родителей, молча сидевших за столом и читавших (она – женский журнал, он – «Спорт-экспресс»). – Вы можете купить мне жабу?

– Жабу? – удивленно переспросила мать.

– Жабу? – сухо уточнил отец.

– Да, жабу!

– Зачем тебе жаба? – спросил отец. И добавил тихо: – Тем более когда в квартире у нас и так уже есть одна.

– Она красивая, – ответил Фил.

– Жаба? Красивая?

– Да.

Отец и мать переглянулись.

– Но разве жаб держат дома? – недоверчиво поинтересовалась мать.

– Конечно. Я прочитал об этом в Интернете, на форуме.

– На форуме любителей жаб?

– Да.

– Чем же они кормят своих питомцев?

– В основном мышами.

– Живыми?

– Конечно! Дохлых мышей жабы-аги не едят!

Родители снова переглянулись.

– Довольно странное желание, – высказал свои сомнения вслух отец.

– Но вы ведь сами хотели, чтобы я завел себе зверька, чтобы ухаживал за ним! И учительница в школе вам советовала!

– Вообще-то это правда, – сказал отец. – Разговор о домашнем животном действительно был.

– Вот видишь! – снова воодушевился Фил.

Но мать оставалась сурово-неприступна.

– Сынок, – заговорила она голосом строгой учительницы, – а тебе не кажется, что держать дома жабу и кормить ее живыми мышами – это... это...

Она запнулась, не в силах подобрать подходящего слова.

– Жестоко, – договорил за нее отец.

Филипп покачал головой:

– Нет. А что тут такого? Лисы едят мышей, волки – оленей и зайцев. Мы тоже едим всякую живность. Кур и свиней, например.

Мать вздохнула:

– Хорошо... Я посоветуюсь с детским психологом и подумаю.

И снова уткнулась в свой журнал.

Припомнив о том разговоре, Филипп улыбнулся. Все-таки они согласились. Странно, но согласились. Наверное, хотели сделать это наперекор друг другу, а в итоге вышло так, что оба выступили на его, Фила, стороне. Быть может, впервые в жизни.

Филипп достал из банки белую мышку, взяв ее за хвост, и поднес к своему лицу.

– Тебе конец, – тихо сказал он, глядя мышке в мордочку. – Агата проглотит тебя живьем. А потом начнет переваривать. Тебе будет очень больно.

Мышка задергалась и тихонько пискнула, словно и впрямь поняла слова Филиппа. Он улыбнулся:

– Прощай!

Затем открыл крышку аквариума и швырнул мышку в открытую пасть Агаты. Пасть захлопнулась, как кошелек. Агата довольно прикрыла глаза.

На тумбочке пискнул телефон. Фил взял трубку – на экране возник текст, подписанный никнеймом Snake:

Чем занимаешься, Фил?

Пухловатые пальцы Филиппа быстро забегали по маленьким клавишам:

Осваивался в новой квартире. У нас тут «ознакомительное проживание». А потом кормил Агату.

Свою жабу-агу?

Да.

Она пиццала?

Нет.

Как думаешь, почему?

Не знаю.

Может быть, ей понравилось?

– спросила Snake.

Филипп озадаченно сдвинул брови. Опять она за свое. Все время говорит о смерти, как о чем-то прекрасном. И Филу нечего возразить, поскольку втайне он чувствовал и даже знал, что его собеседница права. Он снова набил текст:

Нравится умирать?

Это многим нравится!

– ответила Snake.

Фил усмехнулся и ответил:

Да ладно тебе!

Я серьезно. И ты сам это знаешь.

Что знаю?

Что смерть – это классно!

Филипп несколько секунд смотрел на экран телефона. И в его голову полезли воспоминания о том, как они познакомились с Snake, встретившись на форуме одного сайта.

И сам сайт...

Сначала была интригующая заставка: «Людам младше 21 года, с неуравновешенной и слабой психикой, впечатлительным, беременным и кормящим женщинам – НЕ СМОТРЕТЬ И ПОКИНУТЬ ДАННЫЙ САЙТ НЕМЕДЛЕННО!»

Как можно не клюнуть на такую «антирекламу»! Филипп, предвкушая что-то невообразимо таинственное и интересное, подвел стрелку курсора к кнопке «Войти» и щелкнул клавишей «мыши».

А в следующую секунду у него захватило дух.

Там были фотографии. Много фотографий. Мужчины, женщины, дети. Убитые, умершие от болезней, попавшие в аварии. Там были все виды смерти, начиная от самых соблазнительных (обнаженные молодые женщины с неисковерканными телами) до самых ужасных (ожоги, расчлененка и тому подобное).

С тех пор как Филипп вошел на странный сайт и открыл альбом с фотографиями, смерть стала представляться ему огромным черным деревом, накрывшим своей раскидистой кроной весь мир, а эти фотографии – опавшими листьями смерти!

Он разглядывал снимки часами, пытаясь представить себе то, что на них изображено, – вернее, то, как это выглядело в реальности.

Поначалу Филипп ощущал что-то вроде стыда из-за того, что разглядывает подобные ужасы. И даже задумывался: нормально ли мальчику его лет смотреть на фотографии мертвецов? Вроде бы вся эта возня пахнет извращениями. Однако после долгих размышлений Фил решил, что в разглядывании фотографий нет ничего страшного. Ведь сам он никого не убил и не хочет убивать. В нем нет жестокости,

есть только интерес, любопытство. А папа любит приговаривать, что любопытство движет миром.

Потом он познакомился с Snake. Она была такой же фанаткой сайта, как и он сам, но, в отличие от него, не видела в этом ничего постыдного.

Телефон у него в руках снова пискнул.

Как твои родители?

– спросила Snake.

Снова ссорятся. Пересказывают, кто кому и как изменял. Я их ненавижу.

Мои такие же придурки.

Вряд ли. Прикинь: мама только что угрожала подсыпать папе яд в тарелку!

А у вас есть яд?

Не знаю. Но не удивлюсь, если есть. Зная мою маму.

Так проверь!

Фил озадаченно сдвинул брови. Затем набил:

Зачем?

Чтобы знать. Вдруг пригодится?

Иногда мои родоки так меня утомляют, что я фантазирую про всякие яды

Со мной тоже такое случается

Ага. Хорошо бы иметь под рукой крысиный яд. Это вселяет уверенность!

Они все еще хотят отправить тебя в интернат?

Да. Я слышал, как они это обсуждали. Они считают,

что я болен.

Дураки. Это им нужно лечиться, а не тебе. Кстати, ты говорил, что у твоей матери проблемы с сердцем.

Ага.

Возможно, у нее в аптечке есть клофелин.

Да, я что-то такое видел. А что?

Если выпить его с пол чайной ложки – откинешь копыта.

Филипп замер над телефоном, не зная, о чем и думать? Она шутит? Или говорит правду? Интересно было бы взглянуть на ее лицо, хотя бы одним глазком. Но они с самого начала договорились, что никогда не будут встречаться и высылать друг другу фотографии.

На экранчике телефона снова возник текст:

Фил, я просто болтаю. Хочешь, сменю тему?

Давай!

Ты когда-нибудь целовался с девчонкой?

Конечно! Я каждый день этим занимаюсь!

А если честно?

Один раз. Это было в прошлом году.

Экран телефона пропел трель, свидетельствующую о том, что заряд аккумулятора закончился. Затем экран погас.

– Черт! – с досадой проговорил Фил. – Опять забыл его зарядить! Интересно, где у меня зарядка?

Филипп попытался вспомнить, куда запихал зарядное устройство, но так и не смог. Ладно, как-нибудь само найдется – когда мама и папа окончательно разберут сумки и

чемоданы.

Он бросил мобильник на диван и направился в прихожую.

– Мам! Пап! – крикнул он. – Я пойду погуляю по зданию!

Ответа не последовало. Родителям, как всегда, было не до сына.

В холле, перед лифтами, его ждал сюрприз – хорошенькая девочка-подросток с задорным симпатичным личиком. На голове у нее была вязаная шапочка, на тонких запястьях – куча браслетов.

– Эй, ты наш сосед? – спросила Филиппа девочка.

Он остановился и с любопытством взглянул на нее.

– Я Аня, – представилась она. – Можно Нюра. Мы тут будем жить с сестрами. Я, Илонка и Ника. Ну а ты?

– Я?

– Ты с кем живешь?

– Э-э... С родителями.

Девочка усмехнулась:

– Не повезло тебе. А мои родители давно умерли. Я почти не помню, как они выглядели. Тебя как зовут?

– Фил. То есть... Филипп.

– Как Киркорова? – Она хмыкнула. – Я бы на твоём месте сменила имя.

– Почему?

– По кочану. – Девочка с любопытством взглядела в его пухлое лицо с правильными чертами. – Ты когда-нибудь целовался с девчонками? – спросила она вдруг.

– Да, – машинально проговорил он. И улыбнулся.

Девочка подозрительно прищурилась:

– Почему ты усмехаешься?

– Ты не первая, кто сегодня задает мне этот вопрос.

Аня скривилась:

– Ты такой же дурак, как остальные.

Она повернулась и пошла к другому лифту, но Филипп догнал ее и зашагал рядом.

– Почему ты обозвала меня дураком? – спросил он.

– А ты не понимаешь?

Он покачал головой:

– Нет.

– Значит, точно дурак.

– Это из-за того, что я усмехался? Так я не имел в виду ничего такого!

– Какого такого?

– Ну... Просто я немного смутился.

Аня резко остановилась и повернулась к опешившему Филиппу. Окинула его скептическим взглядом с ног до головы и сказала:

– Ты ниже меня ростом. Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

Аня презрительно фыркнула.

– Малолетка!

– А тебе?

– Скоро будет пятнадцать. В сравнении со мной ты еще совсем ребенок.

Пришел лифт. Дверцы почти беззвучно разъехались в сто-

роны. Аня шагнула в ярко освещенную, просторную кабину с зеркальными стенами. Филипп последовал за ней.

На осветившемся экране появилось лицо виртуальной красавицы.

– Добрый день! – поприветствовала она Аню и Фила. – Назовите мне номер этажа, пожалуйста!

– Тот, где кафе, – сказала Аня.

– Спасибо! Следующая остановка – цокольный этаж!

Двери мягко закрылись, и лифт тронулся вниз.

– Послушай, – заговорил Филипп, – может, я и младше тебя, но точно не дурак.

– Ум мужчины измеряется не возрастом, – отрезала Аня.

– А чем?

– Умением брать от жизни все, что ему хочется. Ты на это способен?

– Не знаю. – Фил растерянно моргнул. – Кажется, у меня еще не было случая это проверить.

Аня взглянула на него насмешливым, дерзким взглядом.

– Перед тобой стоит красивая девушка. Вокруг никого нет. Я завела речь о поцелуях, а ты, вместо того чтобы воспользоваться моментом и моей податливостью, заржал как дурак. И кто ты после этого?

– Прости. Я... просто не сообразил.

– Ладно, прощаю.

Вдруг движение лифта прекратилось, но двери не открылись.

– Что случилось? – удивленно спросил Филипп.

– Лифт застрял, – ответила Аня.

– Как застрял?

– Молча.

Он растерянно заморгал.

– И что нам теперь делать?

Аня посмотрела на него своими мрачными, подведенными глазами и зловеще изрекла:

– Приготовиться к долгой и тяжелой борьбе за жизнь. Одному из нас придется умереть, чтобы спасти жизнь другому.

– Как?

– Очень просто. Мне придется тебя съесть, чтобы продержаться до прихода помощи. И если ты не перестанешь задавать глупые вопросы, я начну прямо сейчас.

Филипп облегченно вздохнул и улыбнулся:

– Так ты шутишь.

– А ты думал, что такой аппетитный?

Она повернулась к панели и нажала на кнопку вызова. Экран тут же осветился, и виртуальная девица с улыбкой произнесла:

– Добрый день! Если у вас возникли проблемы, я помогу вам их решить. Чем могу быть полезна?

– Принесите нам два пива и пакет чипсов «Естрелла», – сказала ей Аня. И добавила: – С луком и сметаной.

– Простите, но данная просьба невыполнима. В данный момент вы находитесь в лифте. Один из вас нажал на кноп-

ку «стоп», поэтому лифт остановился. Для того чтобы лифт продолжил движение, вы должны...

Аня нажала на кнопку «отбой», и изображение на экранчике монитора исчезло.

– Ты нажала на кнопку «стоп»? – удивленно и недоверчиво спросил Филипп.

– Нет, что ты! Это сделала моя тень! – насмешливо отозвалась Аня.

– Но... зачем?

Аня вздохнула.

– Хотела дать тебе еще один шанс. Но ты его прошляпил. Слушай, может, у тебя хотя бы сигареты есть?

Филипп, все еще красный как рак, покачал головой.

– Нет. Но я могу стащить у отца или матери! – поспешно добавил он. – Если... Если ты, конечно, хочешь.

– А тебе мама с папой говорили, что курить вредно?

– Да... То есть я и без них это знаю.

– Значит, ты хочешь мне навредить?

Щеки Филиппа пошли пятнами. Он совсем потерялся.

– Слушай, я... совсем запутался, – пробормотал он.

– Это и требовалось доказать. Ты совершенно не умеешь общаться с девушками.

Филипп нахмурился.

– С нормальными умею, – проворчал он.

– Что? – Аня прищурилась. – Значит, я, по-твоему, ненормальная?

- Ты странная.
- Ты это уже говорил.
- Разве?
- Ну, значит, не ты.

Она нажала на кнопку, и лифт снова тронулся. Филипп помолчал, пытаясь понять, издевается над ним эта девочка или нет, а потом спросил:

- В какой квартире ты живешь?
- В большой и светлой, где люстра любит, чтобы ей аплодировали, – ответила Аня.

Филипп улыбнулся:

- А я живу в сто пятнадцатой. Если что – заходи.
- Хорошо, Филипок.
- Не называй меня Филипок. Лучше Филипп или Фил.
- Как скажешь, Филипок.

Лифт остановился.

- Мой этаж, – сказала Аня. – Не вздумай ходить за мной по пятам. Пока!

Она вышла из лифта. Двери снова бесшумно сомкнулись. Филипп посмотрел на них и восторженно проговорил:

- Чумовая герла!

Затем нажал на кнопку и поехал наверх – туда, откуда начал свой путь.

Глава 5

Максим

1

Ника вышла из квартиры и увидела сестру. Та стояла возле огромного – от пола до потолка – окна и курила. Ника подошла к ней, остановилась.

– Куришь?

– Угу, – кивнула Илона. – Уже вторую подряд.

– С ума сошла. А где Нюра?

– Где-то в здании. Наверное, шляется по этажам или катается на лифте.

Ника вздохнула:

– Детский сад какой-то. Девчонке скоро пятнадцать, а ведет себя, как десятилетняя.

– А ты ведешь себя так, будто ты ее мама, а не сестра.

– Я просто ответственная.

Илона повернула голову и посмотрела на Нику своими нежно-голубыми, чистыми, как июльское небо, глазами.

– А я, по-твоему, нет?

Ника дернула уголок губ.

– Я не хочу опять ссориться. Дай-ка мне сигарету.

– Ты же бросила.

– А сейчас захотелось.

Илона достала из кармана пачку.

– Вижу, этот дом пробуждает в людях самые низменные инстинкты, – сказала она, вынимая сигарету.

– Курение – это не «низменный инстинкт», а просто вредная привычка, – парировала Ника.

Она взяла протянутую сестрой тонкую сигарету и вставила в губы. Илона щелкнула зажигалкой.

Ника затянулась, выдохнула облачко дыма.

– Хорошие здесь вытяжки, – сказала она. – Дымом даже не пахнет.

– Автоматический климат-контроль и очистка воздуха, – проговорила Илона равнодушным голосом. – Ты же читала в буклете.

– Читала, читала.

Некоторое время сестры молча курили и смотрели в окно, на темнеющее небо. По нему носились огромные стаи птиц.

– Птицы сегодня будто с ума посходили, – сказала Илона.

– Гидромет обещал ураган, – отозвалась Ника. – Они чувствуют его приближение, вот и волнуются.

– Хорошо, что мы с тобой не боимся урагана, правда?

Ника усмехнулась:

– Да уж. Мы с тобой точно погибнем по другой причине.

Илона бросила на старшую сестру быстрый, внимательный взгляд.

– По какой же? – негромко спросила она.

– Тебе виднее, – ответила Ника.

Несколько секунд Илона молчала, словно обдумывала странные слова сестры, а затем сказала:

– Я не боюсь смерти.

– Это потому, что ты уверена, что твоя смерть придет не скоро, – возразила Ника. – А если бы ты точно знала, что умрешь сегодня ночью, ты бы дрожала как осиновый лист.

Илона фыркнула.

– Ерунда. Я готова к смерти. Даже если она придет сегодня ночью.

Ника затянулась сигаретой, выпустила облачко дыма и посмотрела, как оно на миг замерло, а потом унеслось под потолок и исчезло, не оставив следа. «Хорошая вентиляция», – подумала Ника. А вслух сказала:

– Какой-то странный у нас разговор. Чего мы его вообще затеяли?

– Не знаю. Наверное, из-за урагана. Из-за рехнувшихся птиц.

Илона стряхнула с сигареты пепел. Облачко пепла взмыло в воздух, но не рассеялось, а вдруг осело на оконном стекле причудливым рисунком. Ника взгляделась в него и с удивлением поняла, что он напоминает лабиринт из концентрических кругов с закрученным крестиком посередине.

– Ты это видела? – удивленно спросила Ника.

– Что? – не поняла Илона.

Рисунок исчез со стекла, пепел улетучился. Ника трянула головой, прогоняя наваждение.

– Ничего, – сказала она. – Видимо, показалось.

Илона бросила окурок на пол, и он тут же втянулся в невидимую щель пневмоочистителя, вмонтированного в плинтус. Она откинула со лба белокурую прядку волос, и кольцо у нее на пальце ярко блеснуло. Ника посмотрела на ее руку и сказала:

– Мы с Нюрой согласились приютить тебя на пару недель. Но у меня были условия.

Илона перехватила взгляд старшей сестры и усмехнулась:

– Ты про мамино кольцо?

– Ты обещала вернуть его мне.

– Нет проблем, забирай.

Илона подняла левую руку, облизнула безымянный палец и стянула с него кольцо.

– Держи!

Но вдруг кольцо выскользнуло из ее влажных пальцев и с легким звенящим звуком упало на пол. Ника хотела нагнуться и поднять его, но в ту же секунду волна воздуха затянула колечко в щель пневмоочистителя.

– Черт! – вскрикнула Ника.

– Упс! – весело сказала Илона.

Ника перевела взгляд на сестру.

– Ты это специально сделала? – яростно спросила она.

– Специально? – Илона усмехнулась. – Ника, у тебя пара-

нойя. Там бриллиант в четверть карата. Неужели ты думаешь, что я способна выбросить бриллиант?

Несколько секунд Ника кусала губы, а затем сказала:

– Нужно будет связаться с администрацией.

– Свяжись.

Ника вздохнула и покачала головой:

– Все-таки ты редкостная стерва.

– Я твоя сестра.

– Только по матери. Твой отец был настоящим отбросом.

– Зато я хотя бы знаю его имя. Ты ведь этим не можешь похвастаться, верно?

Ника насторожилась и сделала предостерегающий жест рукой. Илона замолчала и прислушалась.

Из-за угла слышался какой-то шум, словно кто-то с кем-то спорил или кого-то увещевал. Через пару секунд из-за угла вышли двое – смуглая женщина средних лет, а с ней – юноша, похожий на нее, но с бледным лицом и светлыми волосами.

У женщины оказались добрые карие глаза и симпатичное, почти красивое лицо. Выглядела она лет на пятьдесят с лишним. Сыну, вероятно, было не больше двадцати трех.

– Приятно познакомиться, – сказала женщина с улыбкой, когда сестры представились. – А я – Роза Муратовна. Моего сына зовут Альберт, но он не очень-то общителен.

Илона и Ника посмотрели на парня. Он держал в руках старинную игрушку на батарейках «Тетрис» и резво жал на кнопки, не сводя взгляда с сыпавшихся «кирпичиков».

– Мой сын болен синдромом Аспергера, – сказала Роза Муратовна. – Это легкая степень аутизма. Он хороший, добрый мальчик. Мы боремся с его недугом уже много лет.

– Я слышала, что такие люди, как ваш сын, очень талантливы, – сказала Ника.

Роза Муратовна улыбнулась:

– Да, мой сын очень талантлив. Но применения его таланту мы пока найти не можем. Он хорошо считает. Может перемножать трехзначные числа в уме. Но у него не всегда есть желание озвучивать ответ вслух.

– Понимаю, – кивнула Ника.

А Илона спросила:

– Он играет в «Тетрис», да?

– Да, – отозвалась Роза Муратовна. – Альберт очень лю-

бит эту игрушку.

– А вы не пробовали купить ему планшетный компьютер? Или хотя бы хороший мобильник с большим экраном и кучей загруженных игр?

– Я пробовала все, но мой мальчик любит только «Тетрис», – призналась женщина. – Может играть в него сутками напролет.

Илона вздохнула:

– Мне бы так.

– Да. – Роза Муратовна улыбнулась. – Это очень экономно.

Прозвучало это шутливо, так, что улыбнулись все. Кроме Альберта. Парень никак не реагировал на разговор о себе, он продолжал жать на кнопки своей дремучей игрушки.

– Трудно ему среди таких, как мы? – спросила Ника.

– Когда рядом нет меня, то да, – ответила Роза Муратовна. – И когда обстановка резко меняется. Альберту необходимо знакомое окружение, привычный распорядок дня.

– Но этот дом...

– Я приводила его сюда несколько раз – еще до того, как дом был сдан в эксплуатацию. Так что Альберт тут все знает. Я много рассказывала ему про этот дом и про то, как хорошо мы здесь будем жить. Приучала его к мысли о необходимости переезда. Еще лет пять назад он бы воспринял его в штыки, но сейчас, став взрослым, он многие вещи воспринимает спокойнее.

– Значит, прогресс есть? – участливо спросила Ника.

– Есть. Но, увы, пока небольшой. – Роза Муратовна снова улыбнулась. – Мы, пожалуй, пойдем. У нас сто шестидесятая, этажом выше.

– Прямо над нами, – сообщила Ника.

– Правда? Что ж, будем иногда ходить друг к другу в гости.

– Угу, – улыбнулась Илона лисьей улыбкой. – И перестукиваться. Приятно было познакомиться!

– Всего доброго!

Мать и сын удалились. Илона сморщила красивый носик.

– Жить в одном доме с дегенератом – я на это не подписывалась.

– Илона, перестань! – сердито осадил ее Ника.

– А что я такого сказала? Я всего лишь забочусь о нашей безопасности.

– Альберт не опасен.

– Но он психический.

– Ты тоже.

Илона хмыкнула:

– Очень смешно. Между прочим, они живут прямо над нами. А если ему будет казаться, что из пола выползают маленькие дракончики? Они же нас со свету сживут своими претензиями.

– А ты лучше следи за своими дракончиками, – посоветовала Ника.

– Ты сегодня прямо фонтанируешь! Ургант и Мартиросян отдыхают!

– Было бы неплохо, чтобы ты тоже отдохнула. А заодно и я – у меня от твоей болтовни уже голова кругом идет.

Илона состроила мину.

– Какая ты добрая, сестра.

– Уж какая есть.

Ника двинулась к лифту.

– Ты куда? – спросила Илона.

– В кафе, – отозвалась та, обернувшись.

– А как я попаду в квартиру?

– Это умный дом. Дерни за веревочку – дверь и откроется.

* * *

Кольцо, оброненное Илоной, проделало долгий путь по вентиляционным шахтам и упало на пол в черной влажной пустоте подвала.

Некоторое время ничего не происходило. Затем в непроглядной мгле послышался шорох, а потом на смену ему пришел глухой, ворчливый звук, похожий на звериное рычание.

Кольцо тихо звякнуло на бетонном полу, словно его перевернули. Невидимое во тьме существо втянуло ноздрями его запах. А затем зарычало снова – и в этом рыке, негромком, сипловатом, рокочушем, слышались холодная ярость и столь неумная жажда крови, которая не могла родиться в

душе разумного существа.

Кафе находилось в огромном зале. Сейчас он был практически пуст. Справа от входа в зал располагались огромные окна-витрины, сделанные, как помнила Ника из буклета, «из особого небьющегося наноматериала, прочностью не уступающего высоколегированной стали». Однако выглядели они как простые стекла.

Справа Ника увидела огромную мозаику во всю стену, выложенную из какого-то стеклоподобного разноцветного вещества. Мозаика изображала сложный абстрактный рисунок, заставивший Нику вспомнить о пепле, осевшем на окне в виде концентрических спиралей.

Впрочем, обдумать это отдаленное сходство Ника не успела. В кафе за крайним столиком, сверкающим белизной пластика, сидел единственный клиент, и это был мрачный брюнет из холла. Тот самый, который издевался над молодежниками, называя их «счастливыми поросятами» и предлагая «умереть в один день».

Брюнет отправил в рот последний кусок пирожного и запил его черным кофе.

Ника хотела пройти мимо, но в эту секунду мужчина уронил ложку на пол, прямо ей под ноги. Она машинально нагнулась, подняла ложку, положила ее на стол и собралась идти дальше.

– Что такое? – спросил вдруг мужчина, подняв взгляд от книги.

– Ничего, – сухо ответила Ника. – Вы уронили ложку, и я ее подняла.

– Зачем?

– Затем, что я культурный человек.

– Очень интересно.

– Что вам «интересно»?

– Интересно увидеть перед собой культурного человека. В наше время это редкость.

– Вы правы.

Она хотела идти, но мужчина вдруг сказал:

– Присаживайтесь за мой столик. Мне до смерти надоело торчать тут в одиночестве.

– Тогда почему бы вам не уйти?

– Рад бы, но не могу.

– Почему?

– Забыл свои ноги в квартире. Но скоро они за мной придут. Присаживайтесь и не стесняйтесь. Мы теперь соседи, будем часто видеться. Давайте хотя бы познакомимся.

Ника пожала плечами, как бы говоря «почему бы и нет», и села за стол незнакомца.

– В стол встроено электронное меню, – сообщил мужчина. – Выберите то, что вам нужно, и коснитесь пальцем кнопки. Меню небогатое, но заморить червяка есть чем.

Ника взглянула на интерактивное меню, высветившееся

перед ней на пластиковой столешнице.

– Прямо скатерть-самобранка, – с иронией проговорила она.

– И не говорите, – улыбнулся мужчина.

Ника выбрала кофе и сэндвич с картофельным салатом. Коснулась пальцем тач-скрина.

– Спасибо за заказ! – негромко проговорил вежливый женский голос откуда-то из глубин стола-тумбы, словно там и впрямь сидела невидимая женщина. – Через пару минут кофе и сэндвич будут готовы!

Ника восхищенно выдохнула.

– Как они это делают? – проговорила она.

– Понятия не имею, – отозвался «мрачный брюнет» с иронической усмешкой. – Но если бы они давали опохмелиться – цены бы этому механизму не было.

– А здесь не подают алкоголь? – уточнила Ника.

Мужчина покачал головой:

– Нет.

Ника посмотрела на книгу, которая лежала перед ним на столе. Заметив ее взгляд, он закрыл книгу и показал ей обложку.

«Основы сценарного мастерства, или Как написать сценарий на миллион долларов», – прочитала она на обложке.

– Интересная книга? – спросила Ника.

– Так себе, – ответил мужчина и отпил кофе.

– Вы работаете в кинобизнесе?

Он покачал головой, глядя на нее карими, мягко мерцающими глазами.

– Нет. Я нигде не работаю.

– Вот как? – Ника улыбнулась. – И сумели купить квартиру в этом доме? Наверное, вы король.

– Точно, король, – кивнул брюнет. – У меня и трон имеется. Скоро вы его увидите. Кстати, как вас зовут?

– Ника, – сказала она. – А вас?

– Максим. Ника... У вас красивое имя.

– Ерунда. Нет в нем ничего красивого. Я бы предпочла быть Анной или Еленой.

– Почему же не смените? Сейчас с этим легко.

– Боюсь. Я в этом плане суеверна. Говорят, поменяв имя – меняешь и судьбу. Однажды я уже пробовала сделать это, и ничего хорошего не вышло.

В белоснежном столе-тумбе что-то тихо зажужжало, затем в столешнице открылась панель, и откуда-то из недр тумбы на стол выплыл поднос, а на нем – кофе и сэндвич на пластиковой тарелочке.

– Приятного аппетита! – пожелал женский голос, и панель задвинулась.

– Чудеса, да и только! – восхитилась Ника, уловив терпкий запах хорошего кофе. – А как тут расплачиваться?

– В конце месяца вы получите чек для оплаты, на котором все будет расписано – все ваши завтраки, обеды и ужины в этой забегаловке.

– Что ж, это удобно.

Ника придвинула к себе поднос. Откусила кусочек сэндвича, осторожно пожевала. Сэндвич был великолепный! Она отпила кофе – он тоже оказался на высоте.

Некоторое время Ника молча ела, и Максим не надоедал ей вопросами. Он заказал себе еще одну чашку кофе и теперь пил ее маленькими глотками, смакуя вкус.

Наконец Ника почувствовала, что готова к разговору.

– Что вы думаете об этом доме? – спросила она Максима.

– Он меня веселит, – ответил тот.

– Веселит?

– Угу. – Он усмехнулся. – Все эти хлопki в ладоши, при-топтывания, голосовые команды. Настоящий цирк!

– Не знаю... – задумчиво проговорила Ника. – Меня это все как-то пугает. Как будто в недрах дома живет какое-то таинственное существо, которое выполняет наши приказы, но лишь до поры до времени.

– А что будет потом? – уточнил Макс, слегка прищурившись. – Оно нас сожрет?

– Нет, конечно, – ответила Ника. – Но я бы не сильно удивилась, если бы это произошло.

Максим посмотрел на нее с искренним интересом.

– Зачем же вы купили квартиру в этом доме? – спросил он.

– Я не покупала. Мне ее... – Ника слегка споткнулась, а потом договорила с усилием: – ... презентовали.

– Вот как? Наверное, у вас богатый поклонник.

– Почему именно поклонник? – слегка обиделась Ника. – Может быть, муж.

– Простите. Просто вы не выглядите как замужняя женщина.

– Вот как? – Она сердито сдвинула брови. – А вы что, телепат?

– Нет. Но я неплохо разбираюсь в людях.

В кафе вошла Аня. Увидев Нику, она направилась за их столик.

– Здравствуйте, – сказала девушка Максиму и плюхнулась на стул.

Он посмотрел на нее удивленно.

– Это моя младшая сестра, – прокомментировала появление девочки Ника. – Ее зовут Нюра.

– Буду знать, – кивнул Максим.

– Наши родители погибли в автокатастрофе много лет тому назад. Нюра их практически не помнит.

Аня нахмурила брови.

– Ты с ним давно знакома? – спросила она у сестры.

– Минут двадцать-тридцать, – ответила та.

– Тогда, может быть, тебе не стоит посвящать его в интимные стороны нашей жизни?

Ника усмехнулась:

– Это говорит девочка, которая целуется с парнями на первом же свидании?

– Блин, Ника, это было всего один раз!

– Ты так говоришь, потому что я тебя застукала.

Аня хотела возразить, но тут увидела название книги, которая лежала на столе, и в ее глазах зажегся интерес.

– А вы что, киношник? – с любопытством спросила она у Максима.

Максим покачал головой:

– Нет. По крайней мере, пока.

Девушка усмехнулась.

– А, понятно. Нынче все хотят стать киношниками. – Она взглянула на седые виски Максима. – А не поздно?

– Что? – не понял он.

– Так круто менять свою жизнь.

– Может быть, – согласился Максим. – Но жизнь меня не спрашивала.

В кафе вошел высокий парень с азиатским лицом, тот самый, который сидел в холле, когда сестры только приехали. Перед собой он катил инвалидную коляску. Остановив ее перед столиком, он улыбнулся уставившейся на него Ане и сказал:

– Максим Петрович, пора на массаж.

На этот раз не только Аня, но и Ника посмотрела на парня и коляску удивленно и недоумевающе. Затем сестры перевели взгляды на Максима.

– Что еще за массаж? – спросила непосредственная Аня.

– Нюра! – негромко осадил ее Ника, чуть смутившись.

Максим не ответил. Он дал знак парню. Тот приподнял его со стула и не без усилий пересадил в инвалидное кресло. Максим перевел дух, улыбнулся Нике и сказал:

– Это и есть трон, о котором я вам говорил. До встречи! Поехали, Валек!

Азиат развернул кресло и покатыл его прочь из кафе. Когда они скрылись за дверью, Аня взглянула на Нику и сказала:

– Ты это видела? Оказывается, он калека!

– Нюра, нельзя так говорить про...

В кафе снова вошел парень, на этот раз без инвалидной коляски. Он прошел к столику, нагнулся и поднял с пола серебряную фляжку.

– Простите, – стучевался он под взглядом Ники. – Онечно ее теряет.

– Да нет проблем, – улыбнулась Ника. – Давно твой хозяин стал калекой?

– Он мне не хозяин, – сказал азиат.

– Прости, я не так вырази...

– Ты бегаешь для него за фляжкой, – сказала Аня, – значит, он твой хозяин, а ты – его слуга. Так что там с ним стряслось? Попал в аварию?

Парень покачал головой:

– Нет.

– А что?

– Пуля, – ответил азиат.

– Ого! – восхитилась Аня. – Его хотели убить?

– Да.

– А почему не добились?

– Нюра! – резко осадил младшую сестру Ника.

Азиат смущенно улыбнулся, сунул фляжку в карман и быстро вышел из кафе.

– Младшая, ты будешь наказана, – строго сказала Ника.

Аня фыркнула и небрежно проговорила:

– Да ладно тебе. Я же ничего такого не сказала.

– Ты назвала этого парня слугой.

– Так он и есть слуга.

Ника посмотрела Ане в глаза и строго произнесла:

– Чтобы я больше этого не слышала. Ясно?

Аня неожиданно смирилась под этим взглядом.

– Ясно, ясно, – нехотя сказала она. Вздохнула и добавила: – Жалко, что он калека. Симпатичный мужчинка. Только запущенный слегка. Его бы побрить и отмыть... Слушай, как думаешь, у него ниже пояса только ноги не работают или остальное тоже?

– Нюра!

– Да ладно тебе, Ник, мы же взрослые люди.

– Ага, особенно ты.

– Я...

– Все, закрыли тему!

Аня пожалала плечами, напустила на себя независимый вид, вызвала меню и принялась тыкать пальцем во все кнопки

подряд.

Валентин Пак с осуждением во взгляде наблюдал, как Максим уже в третий раз подряд приложился к своей фляжке.

– Максим Петрович, может, хватит пить? – строго сказал он.

Тот отнял фляжку от губ и насмешливо уточнил:

– Почему?

– Алкоголь – это яд.

– С каких пор лекарство стало ядом?

– С тех пор, как вы стали выпивать по фляжке коньяка в день, – сказал Валентин.

Максим дернул щекой и небрежно произнес:

– Не бойся, я все равно не пьянею. У меня в крови есть особый фермент, который расщепляет алкоголь на составные части и выводит его из организма. А у китайцев, типа тебя, его нет. Поэтому вы быстро и безобразно пьянеете.

– Я не китаец, – сказал Валентин. – Мой папа был корейцем.

– Да какая, к дьяволу, разница.

Пак хотел что-то сказать, но тут из прихожей донесся переливчатый звон.

– Кто-то звонит, – сказал Максим.

– Да, я слышу, – кивнул Валентин.

– Тогда, может быть, пойдешь и откроешь эту чертову дверь или мне самому встать?

– Уже иду, Максим Петрович.

Пак удалился в прихожую.

Вернулся он, слегка удивленный, но явно не расстроенный, с девочкой Аней, с той самой, которая развлекала Максима полчаса назад в кафе.

– Зашла посмотреть, как вы живете, – сообщила она Максиму.

– Зачем? – спросил он.

– Мы же соседи, – резонно ответила Аня. – А соседи все должны друг про друга знать.

– Зачем? – снова поинтересовался он.

– А вдруг вы иностранный шпион? Или продаете наркоту? Максим усмехнулся.

– Ну, допустим. И что ты сделаешь? Накапаешь на меня в полицию?

Аня насмешливо прищурила синие глаза:

– Нет. Просто потребую свою долю наркоты.

Максим тихо рассмеялся.

– Наш человек, – одобрительно проговорил он. – Валька, сделай даме кофе, а мне набери ванну.

Парень-азиат кивнул, улыбнулся Ане и вышел из комнаты. Аня осмотрелась, потом прошла к дивану и, не ожидая приглашения, села. Взглянула на Максима, на его кресло-коляску, снова на Максима и поинтересовалась со свойствен-

ной ей прямотой:

– Ну? И как вы оказались в инвалидном кресле?

– Потерял, по пьяной лавочке, ключ от квартиры. Пошел к соседям и попросился перелезть с их балкона на свой. Полез, но поскользнулся и спикировал вниз с третьего этажа. Приземлился в эту коляску. С тех пор с ней не расстаюсь. – Максим усмехнулся. – Как видишь, я так к ней привязался, что шагу без нее ступить не могу.

– И вы продолжаете пить? Даже после всего, что случилось?

– Зато я больше не прыгаю по балконам. За мой полет!

Он отсалютовал Ане фляжкой и отпил глоток коньяка. Облизнул губы и протянул бутылку девочке.

– Глотнешь?

Она округлила глаза и возмущенно сказала:

– Мне же всего пятнадцать!

– Прости, забыл. Выглядишь ты старше.

– Спасибо. Вы очень любезны.

– Прости, если обидел. Просто посмотрел на твои... – Он кивнул на грудь Ани, обтянутую майкой. – В общем, ты понимаешь.

Аня прищурилась:

– Вам нравится моя грудь?

– Ничего, но не мой калибр. Я люблю побольше.

Девушка покраснела.

– И за это спасибо.

– Не благодари, это был не комплимент. Скорее даже наоборот.

– Они еще вырастут!

– Вот тогда и покажешь.

– Покажу, но не вам!

– Думаю, я и это смогу пережить.

Аня нахмурилась, но через несколько секунд любопытство помогло ей проглотить обиду.

– Можно вас спросить? – снова обратилась она к Максиму.

– Валяй, – разрешил тот.

– Вы совсем не чувствуете своих ног, правда?

Он кивнул:

– Правда. Можешь ткнуть иголкой, я и не поморщусь.

– А как у вас насчет... взаимоотношений с женским полом?

Максим усмехнулся:

– Танцевать с женщинами, как ты понимаешь, я уже не могу.

– А остальное?

– Остальное?

– Ну, я имела в виду... – Аня сделала красноречивую паузу.

– Секс? – подсказал ей Максим.

Она улыбнулась:

– Ага.

Максим небрежно пожал плечами:

– Не знаю, не пробовал.

– Как? – удивилась Аня.

– Так. Не до этого было.

Она несколько секунд соображала, а потом кивнула:

– Понимаю. Вы, наверное, боитесь.

– Чего?

– Того, что у вас ничего не получится. Потому и не пробуете.

Максим не удержался от усмешки.

– Так ты у нас психотерапевт?

– Нет.

– А почему лезешь, куда не просят?

– Я и не собиралась к вам «туда» лезть. Просто любопытно.

Максим снова приложился к фляжке. Аня помолчала, с любопытством разглядывая его, а потом спросила:

– Послушайте, неужели вам самому неинтересно?

Максим отнял фляжку от губ и вытер рот рукавом свитера:

– Ты отстанешь или нет?

– Да я просто интересуюсь. У вас ведь есть деньги. Наняли бы проститутку и...

– Еще слово, и я надеру тебе уши.

– Вы? Мне? – Аня усмехнулась. – Интересно было бы на это посмотреть.

Максим поднял руку и резко схватил девочку за ухо.

– А-а! – вскрикнула она.

– Вот так это обычно и делается, – сказал он и разжал пальцы.

Аня вскочила с дивана и отпрыгнула назад. Максим спокойно отхлебнул из фляжки.

– Вы... Вы... – Аня сжала кулаки и трянула ими перед собой. – Тебе конец, понял?

– Да ну? – Максим мило улыбнулся. – И что ты сделаешь? Маме пожалуешься?

Аня опустила руки в бессильной злобе.

– Сволочь! – сказала она. – Козел безногий!

– Точная и исчерпывающая характеристика, – согласился Максим. – За тебя, моя радость!

И сделал еще один глоток из фляжки.

– Максим Петрович! – донесся откуда-то голос Валентина. – Ванна готова!

Максим закрыл фляжку, сунул ее в карман, потом, не прощаясь с Аней, развернул кресло и выкатился из комнаты.

В это время в гостиную вошел Валентин, держа в руках поднос с дымящейся чашкой кофе. Усевшись рядом с Аней, он протянул ей поднос:

– Держи.

Аня отпила глоток, сморщилась и поставила чашку обратно.

– Слишком крепкий, – объявила она.

– Сделать другой?

Она покрутила головой:

– Нет, забей. Слушай, а почему ты все это терпишь?

– Что именно?

– Его хамские приказы, и все такое.

– Потому что это моя работа, – просто ответил Валентин.

– Ты получаешь деньги за работу, а не за то, что он тебя оскорбляет.

– Я не обижаюсь.

– А если бы это был не он? Если бы это был кто-нибудь другой? Что бы ты сделал?

Валентин усмехнулся.

– Выбросил бы его в окно вместе с коляской, – честно признался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.